

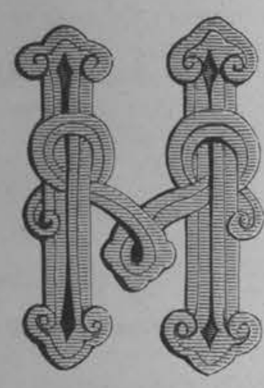
№ 38. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Милые бездѣльники.

Очерки **А. Н. Соковнина.**

VII.

Мой дядя Тарасъ Григорьевичъ Шаповаленко.

а дняхъ совершенно неожиданно я получилъ длинное посланіе отъ своего дяди, Тараса Григорьевича Шаповаленко. Я не думалъ вовсе касаться его въ своихъ «милыхъ бездѣльникахъ», но добродушному старику вдругъ вздумалось просить меня причислить и его къ ихъ милому обществу. Повинуясь его волѣ и въ тоже время не желая говорить о немъ отъ себя, я просто рѣшился напечатать его письмо. Оно настолько подробно объясняетъ его жизнь, что никакихъ дополненій къ нему съ моей стороны, кажется, не требуется. Вотъ это письмо малоросса въ переводѣ на русскій языкъ; я выпускаю изъ письма только нѣсколько чисто семейныхъ и интимныхъ подробностей о домоправительницѣ дяди, Дарьѣ Марковнѣ:

Милый мой Сашура!

Прочелъ я, голубчикъ, твоихъ «милыхъ бездѣльниковъ», прочелъ и умилился. Хорошая тебѣ мысль пришла въ голову обличать насъ въ нашемъ бездѣльничаньѣ, хорошая. Ты вотъ въ письмѣ ко мнѣ сѣтуешь, что исполненье-то у тебя иногда прихрамываетъ, что недомолвокъ у тебя много,—такъ вѣдь это дѣло понятное, Сашурочка: писанье-то для тебя дѣло новое, самъ ты прежде сочинителемъ никогда не былъ и въ роду у насъ тоже сочинителей никогда не было, ну вотъ оно и понятно, коли что не такъ вышло. А мысль хорошая! Всѣ мы бездѣльники и потому насъ и обворовываютъ, потому и порядки у насъ въ хозяйствѣ плохіе, потому и жиды на насъ насѣли. Охъ, какъ насѣли-то, такъ это и уму непостижимо! А отчего? Оттого, что мы бездѣльники, а они дѣльцы! Вотъ скажу хоть про себя. Я вѣдь тоже бездѣльникъ и просто удивительно, какъ это ты меня-то, дяденьку-то своего, до сей поры не описалъ. Можетъ быть, думалъ, что обидишь старика? И полно! На людяхъ и смерть красна. Бездѣльникъ я, какъ и всѣ мы бездѣльники, ну и обличай, и обличай! Такъ мнѣ, старому грѣховоднику, и надо! Я вотъ тебѣ самъ и матерьялецъ дамъ и данныя подберу, а ты тамъ обдѣлывай, какъ тамъ это по вашему слѣдуетъ для публики, и пропечатывай, пусть у насъ въ Даниловкѣ, да и во всей харьковской губерніи знаютъ, каковъ человѣкъ я есмь и почему на меня, Тараса Григорьевича Шаповаленку, жиды насѣли. Писать-то вотъ только я, Сашура, не мастеръ, совсѣмъ не мастеръ, все въ сторону уклоняюсь, вотъ какъ нашъ кривой Гнѣдко — помнишь?—чуть, бывало, поводья опустишь, а онъ и станетъ забирать все вправо да вправо и непремѣнно угодитъ въ канаву. Ну да что говорить о Гнѣдкѣ—и его жиды за какой-то долгъ у меня взяли,—ужъ на что лядащая была лошаденка, а и ту взяли! Ужъ лучше я, голубчикъ, начну о себѣ и начну aъ ovo, какъ говорили древніе риторы.

Батька мой, Григорій Даниловичъ Шаповаленко, царство ему небесное,—ты-то его не помнишь,—живъ уже на покоѣ въ нашей Даниловкѣ, когда я на свѣтъ божій выглянулъ. Не могу я тебѣ доподлинно сказать, занимался-ли онъ когда чѣмъ-нибудь или нѣтъ. Помню я только, что онъ въ мое время жилъ всегда на покоѣ, сосетъ, бывало, свою люльку-носогрѣйку, сидитъ, либо въ хатѣ, либо у хаты, да думу думаетъ и запеканку потягиваетъ, рубаха на немъ виситъ, усы висятъ, волосы тоже на лобъ свисли, ну вотъ точно его сейчасъ водой окатили, да такъ и застылъ онъ. Матушка, покойница, Авдотья Максимовна, придетъ, бывало, жалуется ему на работниковъ, либо на сосѣдей, а онъ только рукой махнетъ. «А мухи ихъ ѣшь!» Только отъ него и услышитъ. Ни до чего-то ему дѣла не было, точно онъ одинъ на бѣломъ свѣтѣ былъ и для того и жилъ, чтобы свѣтъ божій созерцать да молча имъ любоваться. Только въ одномъ онъ и сходился съ матушкой — въ сознаніи, что мы не какіе-нибудь мужики и холопы, а дворяне. Ради самого этого дворянства меня и грамотѣ обучили и въ писцы въ городъ пристроили, а не поставили за соху или борону, да не отдали въ ученье къ сапожнику или кузнецу. Не дворянское, видишь-ли, дѣло землю пахать или тамъ портняжить, что-ли, а бумагу марать, чернымъ по бѣлому выводить — это какъ есть дворянское занятіе. Ну, и сталъ я строчить бумаги въ городѣ, треплясь ежедневно въ должность, то по пыли, то по грязи. Тяжела мнѣ была, Сашурочка, съ первоначалу эта самая служба, юнъ я былъ очень, на хуторѣ къ волѣ да къ природѣ привыкъ, въ садъ да къ рѣкѣ меня тянуло, на травѣ, либо на пескѣ брюхомъ вверхъ, заложивъ руки подъ голову, погрѣться на солнышкѣ мнѣ хотѣлось, потому что я хотя и дворянскаго происхожденія былъ, а росъ, не хуже любого мужицкаго мальчишки, безъ призору, на вольной волюшкѣ. А тутъ иди въ должность, да сиди до урочнаго часу, да строчи эти проклятыя, чтобъ имъ пусто было, бумаги, отношенія да донощенія, отписки да переписки. Пишешь это, бывало, пишешь о разныхъ «утереніяхъ», да «утонутіяхъ», да «умертвіяхъ», и ничего-то не понимаешь, читать станешь написанное, такъ языкъ не ворочается слова-то эти мудреныя выговорить. И кто это, чтобъ ему на томъ свѣтѣ поперхнулось, языкъ этотъ тогдашній канцелярскій выдумалъ; отъ одного его туманъ, бывало, въ головѣ стоитъ, какъ отхватаешь въ день бумагъ десятокъ или два; ровно очумѣешь, когда на волю вырвешься послѣ рабочаго дня. А дней-то этихъ, Сашурочка, много было въ двадцать-то пять лѣтъ. Сосчитать-то вотъ ихъ никакъ не удосужусь, а то должно быть много бы насчиталось, много, голубчикъ. Теперь, какъ взгляну это я мысленнымъ окомъ назадь, такъ жутко даже станетъ, какъ это, молъ, я изловчился двадцать пять лѣтъ изо дня въ день въ канцелярію ходить и все одно и тоже, одно и тоже строчить! Чернилъ-то сколько пролилъ, бумаги-то сколько измаралъ, перьевъ-то сколько перечинилъ — тогда, Сашурочка, еще гусиными перьями-то писали, стальныхъ-то не было—и на что все это, на что? Много насъ тамъ, такихъ-то, какъ я, было и всѣ-то мы строчили и строчили: сдѣлайте отписку, говоритъ начальство, ну, и дѣлаемъ по заведенной формѣ, а намъ на эту отписку новое отношеніе шлютъ, а начальство опять отписку велитъ дѣлать и опять мы по формѣ строчимъ: «на отношеніе за нумеромъ такимъ-то...» Канитель, канитель одна была, видитъ Богъ! Дѣла-то въ тѣ времена не такъ какъ теперь дѣлались, иное дѣло двадцать лѣтъ тянулось: оно лежитъ, а мы только отписываемся о немъ. Извѣстно, кляузное время было! И говорю тебѣ, Сашурочка, какъ попу на исповѣди, двадцать пять лѣтъ я доносилъ, отписывался и относился, а и по сю пору не знаю, о чемъ я доносилъ, на что отписывался, для чего относился. Или не моего ума это дѣло было, или ужъ и точно только бумагу мы изводили, да какъ бѣлки въ колесѣ бѣгали—бѣгали, бѣгали, а все на томъ же мѣстѣ оставались. Послѣ, какъ насъ за штатомъ десятками оставлять начали, дѣла-то и безъ насъ своимъ порядкомъ пошли и ничто не остановилось отъ нашего удаленія. Вотъ, значитъ, какіе мы нужные-то люди были! И вѣдь смѣхъ сказать, чины мнѣ за мое бездѣльничанье своимъ порядкомъ шли, хоть и самъ я зналъ, что вовсе я къ этому дѣлу не приспособленъ и вникнуть въ него не могу и понять его, какъ слѣдуетъ, не умѣю.

Другіе, тѣ, можетъ быть, и понимали, что и для чего они пишутъ, и этимъ понятіемъ даже дома себѣ нажили и лошадей завели, а я, бывало, пишу, пишу, а передъ глазами наша Даниловка встаетъ, пѣсня въ ушахъ звенитъ, вижу, какъ рѣчка подъ садомъ нашимъ плещется, а тамъ даль безконечная снится и птицы въ поднебесьи вереницей тянутся—куда?—на югъ или на сѣверъ? къ зимѣ или къ лѣту? Защемитъ, защемитъ это сердце, въ глазахъ стоятъ слезы, на бумагу брызнутъ... пиши сызнова доношеніе!

Скажешь ты, Сашурочка: «Зачѣмъ-же служили, если неспособны служить были?» Не суди, голубчикъ ты мой, старика, не суди! Возьми ты одно то, что въ наше время не то было, что въ ваше. Ваше время, можетъ быть, и лучше нашего, а все-таки скажу я тебѣ, что одинъ грѣхъ лежитъ на васъ великій: старшихъ вы не уважаете да не слушаете. Ты меня прости, родной мой, а укоръ этотъ по справедливости я дѣлаю. Вы-то, молодежь-то нынѣшняя, все въ свой носъ дуете, а въ наше время—не то въ наше время было, стариковъ-то въ наше время почитали, меня вонъ батько мой за вихоръ до тридцати лѣтъ дралъ. Ну такъ вотъ, говорю я, батько-то мой не соглашался, чтобы я службу бросилъ и все приказывалъ служить, пока до большихъ чиновъ не дойду. Оно, конечно, я самъ-то зналъ, что никакихъ такихъ большихъ чиновъ я не заслужу по моей неспособности и малоумію, а прекословить не смѣлъ—ни, Боже мой! Теперь возьми другое: хорошо-ли, худо-ли, а прокармливался я этою самою службой въ городѣ; правда, платьишко чуть съ плечь не валилось, жилъ въ конурѣ, ѣлъ въ проголодь, а все же существовалъ на свои средства, такъ какъ и жалованье получалъ, и приношеніямъ отъ добрыхъ людей обойденъ не былъ; въ Даниловкѣ-же и безъ меня ртовъ не мало было тогда и кормиться было трудно, такъ не къ лицу мнѣ было еще садиться батькѣ да маткѣ на шею своею персоною. Ты скажешь, что я въ хозяйствѣ могъ бы лишняго работника замѣнить. Такъ, такъ, Сашурочка, да вѣдь я же тебѣ говорилъ, что работать-то въ полѣ я пріученъ не былъ, въ сельскомъ-то хозяйствѣ я столько же понималъ, сколько въ донoшеніяхъ. Оно, конечно, выучиться могъ бы я—въ молодости всему выучишься, если захочешь,—ну, да кто же мнѣ позволилъ бы учиться-то, хозяйство-то забрать въ свои руки при жизни батьки и матки? А вѣдь чтобы плавать выучиться—нужно сперва въ воду окунуться. Такъ-то вотъ я и протянулъ лямку свою двадцать пять лѣтъ, точно въ острогѣ просидѣлъ, и когда батько мой померъ—царство ему небесное!—почувствовалъ я, что отворилась дверь моей темницы, что вольнымъ казакомъ я сталъ, что могу я летѣть на всѣ четыре стороны,—а силы-то, а крыльевъ-то и не оказалось: въ двадцать-то пять лѣтъ все отпало—и молодость, и прыть, и силы и охота, одно только и осталось—желанье лечь и отдыхать, долго отдыхать, вплоть до самой могилы отдыхать. «Отъ какихъ такихъ трудовъ великихъ отдыхать?» спросишь ты, голубчикъ. «Что наработали-то вы въ эти двадцать пять лѣтъ?» Ничего не наработалъ, ничего не сдѣлалъ, въ бѣличьемъ колесѣ вертѣлся, а отдыхать отъ тюремнаго бездѣлья нужно было.

Такимъ-то я, Сашурочка, человѣкомъ въ свою Даниловку на житье попалъ на сороковомъ году жизни и точно я ребенкомъ сталъ, точно я впервые свѣтъ божій увидѣлъ, такое ликованіе въ моей душѣ было. Господи ты Боже мой, какъ бѣлый-то свѣтъ хорошъ кажется, когда человѣкъ свободы добьется, когда у человѣка родной клокъ земли есть, когда человѣкъ можетъ славословить Господа! Сѣлъ я это у своей хаты на порогѣ, кругомъ такъ тихо, солнце въ безоблачномъ небѣ на покой ложится, вдали гдѣ-то коровы мычатъ протяжно, кто-то пѣсню такую заунывную да такую сердечную поетъ, въ воздухѣ тепломъ вѣетъ,—и склонилъ я свою сѣдѣющую голову на руки и заплакалъ, какъ ребенокъ малый заплакалъ, да такими не горькими, а сладкими, тихими слезами, точно говорилъ я безмолвно: «Благодарю тебя, Господи, за освобожденіе отъ плѣненія, отъ рабства египетскаго! Благодарю за возвращеніе въ страну мнѣ тобою обѣтованную!» Не смѣйся, что я сорокалѣтній дурень слезы на порогѣ родного дома проливалъ! Ты-бы, можетъ быть, и не заплакалъ на моемъ мѣстѣ, ну, да вѣдь вы другіе люди, закалъ у васъ другой, сердца благовоспитанныя, а мы—мы, вѣрно, изъ простой глины простыми руками вылѣплены.

А впрочемъ, и то сказать, какъ и не смѣяться надъ нами, дурнями! Вотъ хоть бы и надо мною, какъ не смѣяться, когда я-то плакалъ слезами умиленія при видѣ родной земли, а жиды въ это время соки ея, кровь ея высасывали. Я то любовался какъ хлѣбъ въ полѣ колосится, а они его на корню скупали; я-то пѣсень мужицкихъ заслушивался, а они этихъ мужиковъ въ своихъ шинкахъ спаивали, я-то отдыхомъ желаннымъ наслаждаться хотѣлъ, а они мнѣ на этотъ отдыхъ деньги въ долгъ за проценты да съ неустойками ссужали; я-то ихъ съ презрѣніемъ жидами звалъ, а они мнѣ въ поясъ гнулись, полы моей одежды цаловали, руки мнѣ лизали да въ свои сѣти меня въ это время запутывали! Очнулся я, когда почти вся моя земля перешла въ аренду къ жидамъ, когда противъ моего хутора жидъ шинокъ выстроилъ, когда поганая рожа шинкаря жидовскаго Мошки Гиршеля стала торчать по цѣлымъ днямъ противъ моихъ оконъ. Опомнился я и задумался: точно-ли я люблю эту родную землю, которую я жидамъ за грошъ продалъ? Такъ-ли любить-то ее надо? Долго я думалъ, долго я присматривался къ жизни мужиковъ нашихъ, къ жизни сосѣдей—тоже кто въ чиновникахъ не по своей волѣ въ лучшіе годы спину гнулъ, кто въ полку не по своему призванію шагистикой занимался, кто такъ себѣ, мѣста нигдѣ не найдя, по свѣту въ молодости мотался,—и вездѣ-то тоже я видѣлъ: любимъ мы свою землю, держимся въ родномъ гнѣздѣ до послѣдней возможности, какъ совы, на шагъ не отлетимъ отъ своего дупла, если можно, а жидамъ все за грошъ отдаемъ, какъ піявокъ, ихъ къ этой землѣ припускаемъ, чтобы пили они ея лучшіе соки, ея лучшую кровь. Что же это такое? Дураки мы, что-ли? Фарисействуемъ мы развѣ, говоря о своей любви къ родной землѣ? Задавалъ я себѣ эти вопросы, а отвѣта найдти не могъ, да вотъ теперь подвернулись мнѣ подъ руку твои «милые бездѣльники» и подумалось мнѣ: «А ужь не оттого-ли это все и происходитъ, что и мы всѣ бездѣльники? Не оттого-ли все это творится, что мы бездѣльничаемъ, а жиды какіе нибудь дѣла дѣлаютъ?» Думалъ я это, думалъ и собрался вотъ, голубчикъ, тебѣ это письмо написать. Пусть, молъ, думаю, и насъ, Тарасовъ Григорьевичей Шаповаленко, къ своимъ милымъ бездѣльникамъ присообщитъ да пропечатаетъ про наше житье-бытье, авось кому-нибудь и стыдно станетъ. А можетъ быть, ты на насъ, старыхъ лежебоковъ, и вниманья-то не обратишь, скажешь: «И по дѣломъ вамъ, бездѣльники, если умные да дѣятельные евреи на васъ насѣли!» Что жь, какъ знаешь, такъ и суди, только объ одномъ тебя прошу, Сашурочка, разрѣши ты мнѣ одинъ вопросъ: «Что мы всѣ милые бездѣльники—это ужь такъ, вѣрно, и есть, но скажи ты мнѣ: отчего это мы бездѣльниками-то стали?» Покою мнѣ этотъ вопросъ теперь не даетъ, сосу я это свою трубочку, попиваю вишневочку—Дарья Марковна, моя домоправительница, такъ ее дѣлаетъ, что во всей губерніи лучшей не найдешь—и все думаю: «и отчего это мы бездѣльниками стали?» Думаю, думаю да такъ и задремлю къ вечеру, не додумавшись до отвѣта.

Ну, не взыщи съ старика, голубчикъ, за надоѣдливую болтовню, а настанетъ весна—соберись въ наши палестины: рай у насъ земной, умирать не надо, если бы все это наше было, а не арендованное жидами.

Твой дядя
Тарасъ Шаповаленко.

Къ сожалѣнію, я не могу дать отвѣта на вопросъ дяди и самъ, подобно ему, спрашиваю: «и отчего это мы бездѣльниками стали?» Пусть отвѣчаютъ другіе.

---

* * *

Стих. Е. Л—ва.

Я васъ любилъ въ минуту ослѣпленья,
Какъ бѣдный рабъ, въ пыли у вашихъ ногъ
Пожертвовалъ я вамъ безъ сожалѣнья
Всѣмъ, даже тѣмъ, чѣмъ жертвовать не могъ

Промчались дни и мнѣ вы измѣнили,
И дерзко мнѣ сказали вы тогда
Что никогда меня вы не любили
И полюбить не въ силахъ никогда

Я васъ забылъ, какъ сонъ пустой и ложный...
Зачѣмъ, скажите-жь мнѣ теперь,
Стучите вы рукой неосторожной
Въ мою отъ васъ затворенную дверь?

Зачѣмъ будить во мнѣ воспоминанья,
Которыхъ я не въ силахъ позабыть?
Повѣрьте мнѣ, душевное страданье
Простить нельзя—нельзя и искупить.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе.*)

XIV.

Вогулы, пермяки, вотяки.

азеты недавно сообщали, что на московской антропологической выставкѣ появилось нѣсколько вогуловъ и при этомъ поясняли, что всѣ вогулы давно уже обрусѣли. Дѣйствительно, вогулы давно уже считаются христіанами, но обрусѣла только часть ихъ — ведущая осѣдлую жизнь, остальные же до сихъ поръ только считаются христіанами и ведутъ кочевую охотничью жизнь въ сѣверномъ Уралѣ, въ губерніяхъ тобольской и пермской. Говорятъ, что въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ верховьевъ Лозвы, среди непроходимой чащи и болотъ, до сихъ поръ сохраняется большой идолъ. Ни одинъ вогулъ не выдастъ тайны, не укажетъ мѣста, гдѣ скрывается ихъ богъ. Если имъ случается перекочевывать мимо него, то только мужчины допускаются поклониться всемогущему «шайтану» (какъ называютъ идола русскіе), женщины же должны дѣлать большой обходъ и подъ страхомъ смерти не смѣютъ даже взглянуть на верхушки тѣхъ деревьевъ, подъ которыми помѣщается богъ. Существуетъ даже какой-то день въ году, когда всѣ вогулы собираются въ это святилище. Туда же доставляютъ и лошадь, которую иногда ведутъ изъ чрезвычайно далекихъ селеній. Въ глухую полночь приступаютъ къ празднованію. Съ благоговѣніемъ становятся молящіеся въ кругъ, съ торжествомъ выносится изъ скрытнаго мѣста идолъ и становится посрединѣ. Кругомъ него втыкается множество шестовъ, зажженныхъ на верхушкѣ. Такимъ образомъ, площадка озаряется красноватымъ свѣтомъ гигантскихъ факеловъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ приготовленій приводится ло-

шадь, привязывается крѣпко къ столбу, зарытому противъ идола, и воцаряется мертвая тишина. Одинъ изъ молящихся выходитъ изъ толпы и приближается къ лошади; въ одной рукѣ у него небольшая деревянная чашка, въ другой — острый ножъ. Послѣ краткой молитвы, сопровождаемой поклонами, относящейся къ божеству, подошедшій сильно ударяетъ ножомъ въ какую-нибудь часть тѣла животнаго; теплая, алая кровь брызжетъ фонтаномъ, вогулъ собираетъ ее въ чашку и пьетъ съ наслажденіемъ. Послѣ перваго подходитъ второй, третій и т. д. до тѣхъ поръ, пока вся толпа молящихся не напьется крови. При этомъ обращается вниманіе на то, чтобы лошади не наносили сразу смертельнаго удара, а чтобы она умирала мало-по-малу отъ потери крови («Древн. и Нов. Россія», 78, III, с. 233—234). Кромѣ того почти у каждаго вогула имѣются дома небольшіе идолы, сдѣланные изъ какого-то сплава. Они бываютъ двухъ родовъ: во-первыхъ, представляютъ собою четвероногое животное, нѣчто въ родѣ дракона, съ крючковатыми лапами и длиннымъ хвостомъ, покрытымъ чешуею, и во-вторыхъ, имѣютъ видъ мужчины въ высокой шапкѣ, на которой всегда ясно замѣтно подобіе маски съ глазами, ртомъ и носомъ. Въ обычаяхъ и обрядахъ вогуловъ мы видимъ множество остатковъ древнѣйшей первобытной жизни. Таковъ, напр., обычай татуированья рукъ, накалыванья на нихъ изображенія фамильной тамги, которую имѣетъ каждое семейство.

Вогулы живутъ главнымъ образомъ звѣроловствомъ, охотясь съ дрянными, кремневыми, стогодовалыми ружьями, промышляя соболя, бѣлку и т. д. Кочевые вогулы живутъ большею частью отдѣльными семействами, между которыми въ зимнее время не существуетъ почти никакихъ сношеній. Ихъ жизнь въ высшей степени монотонна и уныла. «Между ними, говоритъ новѣйшій наблюдатель, не существуетъ никакихъ преданій, у нихъ нѣтъ героевъ. Мрачные, непроходимые лѣса, громадныя болота, вѣчно сѣрое небо, придали этому маленькому племени въ высшей степени интересныя качества. На первомъ мѣстѣ, конечно, должно стоять стремленіе уединиться, жить особнякомъ. Какъ лѣтомъ, такъ и зимою вогулъ бродитъ по лѣсу съ своимъ кремневымъ ружьемъ, питается тѣмъ, что убьетъ и возвращается въ юрту или таборъ только тогда, когда погода становится уже совершенно невыносимой. Особенно зима съ своими морозами и мятелью заставляетъ инородца закапываться въ юрту, изъ которой онъ выходитъ только тогда, когда голодъ принудитъ заняться охотой. Цѣлые дни лежитъ вогулъ у огня и нюхаетъ табакъ. Разсказываютъ, напримѣръ, такой случай. Зимой одну изъ юртъ окончательно занесло снѣгомъ. Обитатель, жившій въ одиночествѣ, вылѣзалъ черезъ дымовую трубу на крышу только для того, чтобы убить какую-нибудь дичь, пролетавшую мимо него. Нѣкоторое время все шло хорошо. Но вотъ поднялась мятель, затрещали морозы, никакое живое существо не приближалось къ лѣнивому охотнику. Проходитъ день, другой. Голодъ становится невыносимымъ, а мятель все продолжается. Богъ вѣсть, чѣмъ бы все кончилось, еслибъ погода не перемѣнилась. Изнуренный до послѣдней степени, еле держась на ногахъ, выходитъ вогулъ на крышу. Какъ разъ передъ нимъ на деревѣ сидитъ большой глухарь. Раздается выстрѣлъ, глухарь падаетъ и вогулъ избавляется отъ голодной смерти». Матеріальная обстановка вогула самая жалкая. Вотъ какъ описываетъ ее профессоръ Сорокинъ: «Шалашъ, въ которомъ мы сидѣли, былъ грязный, низкій. Съ входной стороны онъ былъ выше и постепенно понижался въ противоположную. Постройка этого жилища въ высшей степени проста и безъискуственна: нѣсколько вбитыхъ кольевъ, къ которымъ прикрѣплялись въ наклонномъ положеніи длинныя жерди, составляли остовъ, а большіе куски березовой коры,—такъ-называемые **тиски**,—составляли стѣны и крышу; эти тиски прикрѣплялись къ жердямъ посредствомъ прочныхъ веревочекъ, сдѣланныхъ изъ оленьихъ сухожилій. Мой хозяинъ подарилъ мнѣ одну изъ такихъ тисокъ и научилъ даже какъ ихъ приготовлять: для этого выбирается толстая береза, съ нея сдирается кора большими кусками и потомъ для приданія извѣстной мягкости варится нѣсколько времени въ кипящей водѣ; послѣ этого края куска, чтобы не разрывались, подшиваются на подобіе того, какъ это дѣлается въ общежитіи съ полотномъ (подрубливаются). Тиски составляютъ необходимую принадлежность въ хозяйствѣ вогуловъ. Ими покрытъ шалашъ; они за неимѣніемъ оленьихъ шкуръ разстилаются на полу; изъ небольшихъ кусковъ очень искусно дѣлаются четырехъ-угольныя коробки, такъ-называемые **чуманы**, которые исполняютъ должность ведеръ, стакановъ и т. п.

«Въ углу шалаша лежитъ куча сумокъ, сдѣланныхъ изъ оленьихъ шкуръ, **ерпъ-хуръ**. Сумки эти наполнены различнымъ домашнимъ скарбомъ—пучками оленьихъ жилъ, обломками гвоздей, наконечниками желѣзныхъ стрѣлъ, копій. Нѣкоторыя сдѣланы чрезвычайно оригинально и красиво изъ кусочковъ различныхъ цвѣтовъ: темно-коричневыхъ, свѣтло-коричневыхъ и бѣлыхъ; всѣ эти кусочки расположены узорами самаго причудливаго характера.

«Большія сумки заключали весьма интересные **рукотеры**. Это есть ничто иное, какъ нѣжныя, длинныя стружки сосновой древесины, которыя составляютъ также необходимость вогула въ домашнемъ быту. Ими онъ вытираетъ руки и лицо, если придетъ фантазія умыться, ими вычищаетъ онъ корыто, въ которомъ ѣстъ свою похлебку. Меня особенно поражала эта мягкость стружекъ. Хозяинъ, задобренный сахаромъ, и на этотъ разъ не отказалъ мнѣ поучить, какъ приготовляются рукотеры. Зимою въ самые сильные морозы, когда древесина молодыхъ хвойныхъ деревьевъ промерзаетъ, отрубаютъ сучья различной величины; потомъ эти сучья раскалываются продольно, нарѣзаются тонкія ленты и бросаются въ горячую воду; прокипяченныя нѣкоторое время, ленты вынимаются, высушиваются — и рукотеры готовы.

«У входа въ шалашъ валяется цѣлый арсеналъ **острогъ** (путопъ), которыми бьютъ крупную рыбу и которыя имѣютъ обыкновенную форму трезубцевъ. Мнѣ не удалось видѣть этой охоты, но по отзывамъ всѣхъ уральцевъ, вогулы весьма ловки въ этомъ дѣлѣ.

«Вмѣстѣ съ острогами лежало нѣсколько веселъ довольно оригинальной формы. Ручка съуживалась постепенно къ нижнему концу и потомъ вдругъ расширялась въ видѣ лопаты; расширеніе это, однако, снова заострялось и напоминало до нѣкоторой степени весла туземцевъ Тихаго океана.

«Сзади шалаша на высокихъ жердяхъ помѣщались небольшія платформочки, о которыхъ я уже упоминалъ раньше.

«Я упросилъ хозяина показать мнѣ ихъ и объяснить назначеніе. Мы выползли изъ душной, вонючей атмосферы вогульскаго жилища. Нѣсколько собакъ, привязанныхъ на веревкахъ, встрѣтили насъ ласковымъ лаемъ. Хозяинъ бросилъ имъ по куску лепешки, которые они съ жадностью проглотили,—видно было, что о бѣдныхъ животныхъ не очень заботились.

«Четыре высокихъ палки поддерживали навѣсецъ изъ сучьевъ и тисокъ. Что-то лежало на немъ, прикрытое большимъ кускомъ древесной коры; это «что-то» издавало невыносимый трупный запахъ.

— Что это такое? спросилъ я вогула.

— Мясо.

— Какое?

— Недавно сахатаго убили, такъ сушимъ; а какъ высохнетъ,—ѣсть будемъ.

Вогулъ приподнялъ покрышку и вытащилъ небольшой кусокъ мяса; оно хотя дѣйствительно и было вяленое, но сильно пахло падалью.

— Зачѣмъ же вы прикрываете тиской? спросилъ я.

— А это мы на ночь дѣлаемъ, чтобъ не отсырѣло; а какъ только солнце станетъ припекать, мы тиску снимаемъ.

«Я узналъ потомъ, что платформы эти устраиваются на жердяхъ для того, чтобы охранить мясо отъ голодныхъ собакъ; другой же способъ сохраненія и производства консервовъ вогулы считаютъ почему-то неудобнымъ.

«Осмотрѣвши оригинальную платформочку, я хотѣлъ было идти дальше, поблагодаривши любезнаго хозяина, но на это онъ не согласился, сильной рукой взялъ меня за плечо и повелъ опять къ костру. Я повиновался.

«Здѣсь онъ подбросилъ въ огонь сухихъ сучьевъ, взялъ валявшееся грязное деревянное корыто, въ которое налита была какая-то желтоватая гуща, и пододвинулъ его къ собакамъ. Голодныя животныя кинулись къ предложенному завтраку и въ минуту покончили съ лакомымъ, повидимому, блюдомъ. Тогда вогулъ снова взялъ корытце, захватилъ изъ шалаша пучекъ рукотеровъ, плеснулъ на нихъ изъ чумана воды и началъ вытирать и выбрасывать остатки отъ собачьей трапезы. Когда, по его мнѣнію, корытце стало достаточно чистымъ, вогулъ налилъ кипящей воды изъ котелка, приставленнаго заранѣе къ костру, и бросилъ туда горсть муки. Мука помѣщалась въ отдѣльной сумкѣ изъ оленьихъ шкуръ и лежала также недалеко отъ огня. Вѣроятно, вогулъ до моего прихода еще собирался заняться приготовленіемъ пищи, но я оторвалъ его отъ этого дѣла.

«Бросивши муку въ горячую воду, гостепріимный хозяинъ схватилъ первую попавшуюся палочку и, не обращая вниманія на то, чиста-ли она или нѣтъ,—началъ помѣшивать ею; чрезъ пять минутъ получилось, такимъ образомъ, ужаснаго вида жидкое тѣсто, которое онъ любезно пододвинулъ ко мнѣ и, отыскавши въ одной изъ сумокъ нѣчто въ родѣ деревянной ложки, предложилъ попробовать.

«Признаюсь, что я долго не рѣшался на этотъ подвигъ, но чего изъ любезности не сдѣлаешь! Я взялъ въ ротъ похлебку—и буквально не зналъ куда съ нею дѣться. Невозможно описать, что это была за мерзость!

«Вогулъ, нисколько не смущаясь, уплеталъ за обѣ щеки и похваливалъ. Я всталъ и, раскланявшись, пошелъ дальше.

«На моемъ пути показалось нѣсколько спавшихъ еще инородцевъ,—все это были тѣ, которые напились вчера до безчувствія. Поперекъ дороги раскинулся нашъ музыкантъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него валялся шангуръ съ оборванной струной. У входа въ одинъ низенькій шалашъ, обнявшись, помѣщались плясуны и тутъ же около нихъ лежала маска «хозяина».

«Нѣсколько въ сторонкѣ отъ табора подъ раскидистой сосной приліпилось одно убогое вогульское жилище, еще меньше, еще грязнѣе, нежели прочія. Передъ нимъ курится костеръ, на огнѣ кипитъ котелокъ, грязную болтушку готовитъ женщина, прикрытая тоже одной оленьей шкурой. Къ вбитому тутъ же колу на небольшомъ разстояніи отъ земли привѣшена колыбель. Колыбель эта короткая, съ высокой спинкой на одномъ концѣ. Въ ней нельзя лечь ребенку, протянувшись; его сажаютъ и привязываютъ веревкой въ такомъ положеніи къ спинкѣ. Маленькое, совершенно красное, почти голое существо помѣщено въ висячую колыбель, цѣлая туча ко-

маровъ носится надъ нимъ въ воздухѣ, покрываетъ толстымъ слоемъ все тѣло. Ребенокъ неистово кричитъ, дѣлаетъ судорожныя движенія посинѣлыми рученками.

«Я подошелъ къ женщинѣ и показалъ на колыбель. Она тупо посмотрѣла сначала на меня, потомъ на ребенка, какъ-то глупо улыбнулась и снова начала мѣшать щепкой въ котелкѣ.

«Мнѣ стало невыносимо слышать этотъ ужасный крикъ, я бросился оттуда».

Вогулъ находится въ вѣчной кабалѣ у купцовъ и золотопромышленниковъ, онъ въ высшей степени забитъ, раболѣпенъ и только въ пьяномъ видѣ становится развязнѣе. Случилось какъ-то, что нѣсколько вогуловъ съѣхались въ Ивдилъ, гдѣ въ то время былъ и исправникъ. Водка сдѣлала свое дѣло — вогулы разгорячились, запѣли пѣсни, пошли гулять по единственной улицѣ мѣстечка. Проходя мимо оконъ одной избы, въ которой пилъ чай исправникъ, одинъ изъ развеселившихся заоралъ во все горло. Стражникъ, сидѣвшій у воротъ, подошелъ къ нему и началъ убѣждать быть посмирнѣе.

— Пошелъ вонъ, не мѣшай мнѣ! кричалъ вогулъ, размахивая руками.

— Ну, смотри, пригрозилъ стражникъ,—услышитъ исправникъ—онъ тебѣ задастъ перцу.

— Я никого не боюсь... чего ты ко мнѣ лѣзешь?..

— Вотъ увидимъ. Исправника вѣдь ты знаешь...

— Исправникъ, исправникъ! я самъ себѣ исправникъ.

Но въ это время въ отворенное окно показалась фигура въ военномъ сюртукѣ. Блестящія пуговицы мгновенно отрезвили вогула, моментально онъ сообразилъ всю опасность своего положенія и робко, безмолвно упалъ на колѣни передъ начальствомъ.

Другой случай. Въ томъ же Ивдилѣ около кабака собралась большая толпа вогуловъ. Выпили изрядно. Пошли разговоры, толки, споры. Отъ спора перешли къ дракѣ.

Шумъ, гамъ, крики происходили недалеко отъ усадьбы зажиточнаго купца. «Его степенство» какъ разъ въ это время предавалось послѣ-обѣденному сну. Раздосадованный буйствомъ вогуловъ и главное тѣмъ, что подобное безобразіе прервало богатырскій сонъ, купецъ выскакиваетъ на улицу съ палкой въ рукѣ, бросается въ толпу вогуловъ и принимается колотить палкой и праваго, и виноватаго. Пьяная толпа бросилась въ разныя стороны и не думала даже защищаться или оправдываться.

Вогуловъ считалось прежде 100,000 ч. но, по словамъ Гагемейстера, только въ періодъ 8-й и 9-й ревизіи число ихъ уменьшилось на 50%. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство кочевыхъ вогуловъ осуждено на вымираніе, а осѣдлымъ предстоитъ совершенно обрусѣть въ недалекомъ будущемъ, какъ уже обрусѣли почти родственные съ ними пермяки и вотяки. Пермяковъ, еще не слившихся съ русскимъ племенемъ, считается всего до 10,000, а вотяковъ болѣе,—до 200,000, но и они уже мало чѣмъ отличаются отъ вятчанъ, крестьянъ вятской губерніи.

НАРОДЫ РОССІИ.

Нерчинскіе тунгусы.
Рѣзано въ «**Варшавской политипажнѣ**».

XV.
Чуваши.

Смѣшанное финско-монгольское племя чувашъ, живущее въ губерніяхъ казанской, симбирской и нижегородской, составляетъ до 450,000 ч. Находясь впродолженіи многихъ столѣтій подъ владычествомъ болгаръ, потомъ татаръ, наконецъ, русскихъ, чуваши кое что усвоили изъ культуры этихъ народовъ, но до сихъ поръ удержали свою національность и, не смотря на номинальное христіанство, остались язычниками. До сихъ поръ они молятся своему богу лѣсовъ Кереметю, свято чтутъ священныя рощи, которыя тоже называются **кереметь**, приносятъ языческія жертвы и вѣрятъ въ своихъ йомзъ, шамановъ. Всѣ жертвоприношенія чувашъ дѣлаются большею частью въ случаяхъ болѣзни. Заболѣваетъ кто-нибудь въ домѣ, чувашинъ спѣшитъ къ йомзѣ; жертва приносится, больному пользы не оказывается; идетъ чувашинъ къ священнику, пробуетъ медицинскія пособія, какія случаются, прибѣгаетъ къ молитвѣ и если больному все нѣтъ исцѣленія, опять обращается къ йомзѣ, назначающему жертвы постепенно все болѣе и болѣе чувствительныя. Иногда тѣ же йомзы предписываютъ поставить свѣчу какому-либо святому, отслужить молебенъ; вообще йомзы, въ особенности женщины, стараются не идти очевидно въ разрѣзъ съ христіанскими обрядами и тѣмъ еще болѣе поддерживаютъ двойственность вѣры въ этомъ народѣ. Христіанскія понятія чувашъ сходятся нѣсколько съ взглядомъ на жизнь и патріархальный бытъ праотцевъ ветхаго завѣта. Бога (Тора) они представляютъ въ видѣ пастуха несмѣтнаго, необыкновеннаго достоинства стада; по ихъ убѣжденію, тому, чья жизнь правильнѣе на землѣ, предоставится въ будущей счастье пасти большую часть этого стада и владѣть имъ. О чувашскомъ воззрѣніи на икону можно судить по слѣдующему. Одинъ сельскій священникъ, узнавъ, что чувашинъ не соблюдаетъ постовъ, сдѣлалъ ему выговоръ. Чрезъ нѣсколько времени, войдя въ избу этого человѣка, онъ былъ удивленъ, увидѣвъ, что образъ, висѣвшій въ углу, былъ обращенъ лицомъ къ стѣнѣ, и когда спросилъ о томъ хозяина, тотъ послѣ нѣкоторыхъ уловокъ сознался, что заподозрилъ Николу въ томъ, что это онъ передалъ батькѣ о его невоздержаніи, потому что другихъ свидѣтелей не было, а во избѣжаніе новыхъ доносовъ повернулъ его глазами къ стѣнѣ. Похоронные обряды чувашъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ объ ихъ полнѣйшемъ язычествѣ. На умершаго послѣ обмыванія надѣвали чистую рубаху, праздничное платье, новыя онучи и лапти, рукавицы и шапку; за щеки всовывали нѣсколько серебряныхъ монетъ; въ гробъ клали понемногу всего, что любилъ покойникъ или чѣмъ занимался. Чуваши думали, такимъ образомъ умилостивлять покойника, чтобъ онъ не тревожилъ своимъ посѣщеніемъ оставшихся въ живыхъ; всѣ вещи его послѣ погребенія тотчасъ относились на кладбище, дабы по привычкѣ покойникъ не вернулся за ними въ домъ. Представляя будущую жизнь продолженіемъ настоящей, чувственной, чуваши поэтому часто поминаютъ покойниковъ, а именно: на 3-й и на 7-й день послѣ погребенія, въ каждый четвергъ до 6-ти недѣль и въ сороковой день, кромѣ того въ семикъ, въ ноябрѣ и на другой день Пасхи. Въ общихъ чертахъ обряды эти состоятъ сначала въ церемонной ѣдѣ, а потомъ въ сильной попойкѣ съ обычными ея послѣдствіями. Поминки въ семикъ отличаются особенно вакхическимъ и буйнымъ характеромъ. Въ сороковой день, напр., когда разрѣшаются родственникамъ умершаго обычныя удовольствія, на могилу откладываютъ по кусочку всего съѣдобнаго и потомъ съ воплемъ и поклонами призываютъ умершаго принять участіе въ ихъ трапезѣ; по окончаніи этой церемоніи, собаки бросаются на могилу и начинаютъ драку. Визгъ этотъ утѣшителенъ чувашамъ, ибо они полагаютъ, что въ это время души покойниковъ входятъ въ собакъ и визгомъ изъявляютъ свое удовольствіе. Чуваши въ высшей степени суевѣрны, вся жизнь ихъ обусловлена предразсудками, примѣтами и т. д. При сильной мстительности, они

часто прибѣгаютъ къ различнымъ чарамъ и заклинаніямъ, въ дѣйствительность которыхъ глубоко вѣрятъ. Вотъ что расказываетъ, напримѣръ, Сбоевъ: «Одинъ чувашенинъ пересѣкъ мнѣ дорогу, торопливо пробираясь въ глубь лѣса. Вышедши на небольшую поляну, онъ сбросилъ съ головы шляпу и грянулся о земь, произнося вполголоса какую-то молитву. Вставши на ноги, онъ распоясался, скинулъ рукавицы, кафтанъ и совершенно нагой нѣсколько времени шепталъ что-то про себя, впнривъ глаза на востокъ и изрѣдка покачивая головой. Потомъ вдругъ завылъ дикимъ, пронзительнымъ голосомъ. Вопли его прерывались восклицаніями: злая кереметь, лихая кереметь, услышь мою молитву, немедленно излови, умертви его! Произнося эти слова, онъ валялся по землѣ, рылъ ее руками, кувыркался, скрежеталъ зубами». Чувашенинъ до сихъ поръ не прочь также тащить сухую бѣду своему врагу, т. е. повѣситься на воротахъ его дома. Прежде, конечно, при этомъ имѣлось въ виду, что душа самоубійцы будетъ всячески вредить врагу, впослѣдствіи же къ этому присоединился еще разсчетъ на бѣду, неразлучную съ судебнымъ слѣдствіемъ.

Умственный кругозоръ чувашенина такъ же бѣденъ, какъ и языкъ его, въ которомъ насчитывается всего 1500 словъ! Вотъ нѣсколько чувашскихъ пѣсенъ:

Шумитъ, шумитъ дубровушка:
Зачѣмъ же все шумитъ она?
Сучки родитъ сбирается.

Шумитъ, шумитъ камышекъ:
Зачѣмъ шумитъ онъ все?
Колѣнца ставить думаетъ...

Шумитъ народъ, волнуется:
Зачѣмъ же тотъ народъ шумитъ?
Души прибавлять думаетъ.

Далъ мнѣ батюшка ворона коня,
Дай впрягу, подумалъ я!
Дубовой колодой конь сдѣлался...

Далъ мнѣ батюшка корову бѣлую,
Нутко подою, подумалъ я!
Березовой колодой она сдѣлалась...

Далъ мнѣ батюшка овцу,
Сниму шерсть съ нея, подумалъ я!
Гнилушкой красной она сдѣлалась.

Далъ мнѣ батюшка кушакъ шелковый,
Дай подвяжу, подумалъ я!..
Лыкомъ кушакъ сдѣлался.

Далъ мнѣ батюшка платокъ шелковый,
Дай повяжу, подумалъ я!
Кленовымъ листомъ платокъ сдѣлался.

Поетъ, поетъ перепелка!
Куда летитъ перепелка?
Въ Каргалы я лечу.
А что дѣлать въ Каргалахъ?
Торица есть, говорятъ.
Дорога-ль торица?..
Да рубль двадцать, говорятъ.
Въ Цывильскѣ есть сто саней,
Въ нихъ нѣтъ-ли дѣвушки?..
Въ нашемъ селѣ одинъ садъ,
Въ одномъ саду восемь дѣвушекъ,
Восемь да всѣ бѣленькихъ,
А та изъ бѣленькихъ, котору я люблю, черновата.

Мы, чуваши родились
И у Волги поселились.
А живемъ при ней давнымъ давно.
А ученые хлопочутъ
Откуда мы происходимъ?..
Мы чуваши,—такъ чуваши,
Намъ пріятели Татары
И языкъ у насъ чувашскій.
Въ грусти, въ горѣ и несчастьи
Мы бѣжимъ скорѣе къ Торѣ,
Въ Киреметн закалаемъ
Молодыхъ телятъ кор въ,
Чтобы Тора далъ здоровья,
Чтобы Тора далъ намъ счастья.
Мы не знаемъ ни писать,
Не умѣемъ и читать.
Мы къ священнику бѣжимъ,
Что намъ дѣлать при несчастьи?..
Такъ живемъ мы и досѣлѣ
И видимъ все-таки свое счастье,
Да понюхиваемъ и табакъ.
У насъ есть домашній скотъ:
Кони, свиньи, куры, пчелы,
Овцы, гуси и быки,
Утки, яйца и молоко,
А домашній скотъ мы продаемъ,
Чтобы скопить побольше денегъ.

Ахъ, мой батюшка, ахъ, моя матушка, былъ бы я гусенокъ, полетѣлъ бы я на свою родину!
Былъ бы я за воротами,—заперся бы я крѣпкими запорами.
Луна свѣтитъ на землю, по землѣ пролегаетъ путь.
Звѣзды входятъ надъ дорогою, по дорогѣ мы идемъ;
Вьюжно валятъ снѣгъ клочьями, точно наши кудри,
Ливмя льетъ дождикъ на землю, точно наши слезы,
А по Волгѣ плывутъ льдины, точно наши трупы.
На землѣ стоитъ дубъ старый—это нашъ отецъ.
Стоитъ старая береза—это наша мать.

Чувашенинъ трудолюбивъ, но очень забитъ, скрытенъ и хитеръ. Русскій можетъ нагнать на него страху уже однимъ вопросомъ объ его имени. Сбоевъ расказываетъ, какъ попадья, торгуясь съ чувашениномъ и разсердившись на него, сказала: «Побойся ты Бога-то, чувашская лопатка!»—«Эхъ, матка, отвѣчалъ чувашенинъ,—что Бога-то бояться, вѣдь Богъ не писарь». Живутъ чуваши очень экономно и грязно, большею частію въ черныхъ избахъ, въ одномъ и томъ же котлѣ они готовятъ пищу, кормятъ скотъ, стираютъ бѣлье; взрослые почти никогда не моются; коровье масло, кромѣ пищи, идетъ еще на смазку колесъ, вмѣсто покупного, хотя и болѣе дешеваго, дегтя. Въ каждомъ чувашскомъ домѣ непремѣнно есть пивоварня, пиво пьютъ всѣ и постоянно, а водку только въ особыхъ случаяхъ. Большинство чувашъ — земледѣльцы, нѣкоторые промышляютъ бурлачествомъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

НАРОДЫ РОССІИ.

Юраки.

Рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»**.

Въ Египтѣ.

Романъ.

(*Окончаніе.*)

XXIII.

Марта! Все рушилось! Я погибла! Пишу тебѣ на удачу... Получишь-ли это письмо? Узнаешь-ли ты когда-нибудь о томъ, какъ меня мучаютъ? Одинъ Богъ знаетъ!

Утромъ ко мнѣ пришелъ отецъ. Я, по обыкновенію, выбѣжала къ нему на встрѣчу, но при первомъ взглядѣ на холодное и суровое выраженіе его лица легко было догадаться, что онъ видѣлся съ Оснахъ и что ему все извѣстно.

Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Рѣзкимъ, надменнымъ движеніемъ отстранилъ онъ меня, когда я хотѣла взять его руку, чтобъ поцѣловать ее, а затѣмъ, опустившись на диванъ, онъ спросилъ, не спуская съ меня пристальнаго, строгаго взгляда, правда-ли, что вчера вечеромъ сестра Оснахъ застала меня въ саду Зуры съ мужчиной?

Я собралась съ силами и, довольно твердо выдерживая его взглядъ, отвѣчала, что никогда не позволю себѣ солгать передъ моимъ отцомъ.

— Оснахъ вамъ сказала правду. Я два раза видѣлась въ саду Зуры съ этимъ человѣкомъ, но свиданія эти всегда происходили въ присутствіи Назли и я не снимала моего покрывала.

— Для чего ты съ нимъ видѣлась?

Я чувствовала, что блѣднѣю, но рѣшимость не покидала меня.

— Мы любимъ другъ друга, произнесла я довольно твердо.

При этомъ неожиданномъ признаніи, отецъ мой сорвался съ мѣста въ такомъ страшномъ порывѣ бѣшенства, что я въ испугѣ упала передъ нимъ на колѣни.

— Простите меня! простите! Я вамъ все скажу, все!.. безсвязно лепетала я. Меня винить не въ чемъ, онъ достоинъ моей любви... клянусь вамъ въ этомъ! Еслибъ вы только знали, сколько я выстрадала! Какъ я боролась съ моимъ чувствомъ!.. Ваша воля для меня священна, но она раздираетъ мнѣ сердце, она убиваетъ меня!

— Молчи, молчи, несчастная! запальчиво вскричалъ онъ.

И чтобъ заставить меня встать, онъ такъ грубо дернулъ меня за руку и бросилъ на диванъ, что я вскрикнула отъ боли.

— Имя его? произнесъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва.

Лицо его было страшно искажено яростью, я поняла, что пощады не будетъ, но, къ счастью, присутствіе духа не покидало меня и у меня хватило силы сообразить, что если онъ задастъ мнѣ такой вопросъ, это значитъ, что Гассану удалось скрыться и что врагамъ нашимъ неизвѣстно, на кого именно должно быть направлено ихъ мученіе.

Все обрушится на меня одну!.. Увѣренность эта придала мнѣ бодрости.

— Имя его? Имя? повторилъ отецъ. — Говорите, я жду...

— Его имени я не могу вамъ сказать, отвѣчала я.

— Ты осмѣливаешся мнѣ противиться! вскричалъ онъ, озадаченный подобной дерзостью.

И онъ накинулся на меня съ такимъ бѣшенствомъ, что я подумала, что онъ задушитъ меня. Но это длилось одно мгновеніе. Испугавшись своего порыва, онъ провелъ рукой по лбу, прошелся по комнатѣ и остановился у открытаго окна. Наступила минута страшнаго молчанія. Затѣмъ онъ началъ уже болѣе спокойнымъ тономъ доказывать мнѣ, что противиться его волѣ было бы съ моей стороны чистымъ безуміемъ.

— На этотъ разъ я тебя прощаю, но ты должна помнить, что здѣсь не Парижъ и что мы расправляемся съ нашими женами и дочерьми совершенно иначе, чѣмъ тамъ.

— Я въ вашей власти, дѣлайте со мной что хотите, отвѣчала я.

— О! такое изъявленіе покорности совершенно лишнее, иронически усмѣхнулся онъ. — Мнѣ теперь этого недостаточно, мнѣ нужно примѣрно наказать негодяя, дерзнувшаго посягнуть на нашу честь. Если вы не скажете мнѣ его имени, я прикажу допросить Назли.

Я вздрогнула при мысли о мукахъ, ожидающихъ мою бѣдную кормилицу.

— Ей ничего неизвѣстно, она ни въ чемъ не виновата, она даже не знала, что онъ меня тамъ ждетъ...

— Въ такомъ случаѣ, отъ васъ зависитъ избавить ее отъ допросовъ, вамъ стоитъ только сказать мнѣ, кто этотъ человѣкъ. Гдѣ вы съ нимъ познакомились? Онъ долженъ быть иностранецъ и, вѣрно, пріѣхалъ изъ Парижа нарочно для того, чтобъ увидѣться съ вами?

Въ умѣ моемъ мелькнула счастливая мысль.

— Да, да, поспѣшно прошептала я, онъ иностранецъ, онъ пріѣхалъ для меня...

Я произнесла первое попавшееся имя и отецъ, успокоившись немного, отправился допрашивать мою бѣдную Бель. Хорошо, что она ровно ничего не знаетъ и не можетъ насъ выдать.

Вотъ ужь четыре дня какъ я никого не вижу и ничего не слышу. Меня сторожатъ и держатъ взаперти точно въ тюрьмѣ. Даже Бель ко мнѣ не допускаютъ и вся прислуга моя состоитъ только изъ двухъ старыхъ невольницъ Зейнабы.

Мнѣ страшно, Марта, страшно и тоскливо... Ужасно тоскливо! Душу гнететъ мучительное предчувствіе... Что съ нимъ? Что съ моей милой Назли? Бѣдняжка! Ее, можетъ быть, пытали, чтобъ заставить высказаться?.. Удалось-ли мнѣ, по крайнѣй мѣрѣ, разсѣять подозрѣнія на счетъ Гассана? Всѣ меня покинули, даже Санда... Я сейчасъ видѣла ее, она гуляла по саду и взглянула украдкой на мои окна, но, замѣтивъ меня, тотчасъ же отвернулась... Ужасно гнететъ душу такое одиночество! Порой мнѣ кажется, что жизнь моя кончена, что я погребена живая на вѣки!..

Сегодня утромъ опять пришелъ ко мнѣ отецъ; выраженіе лица его было такъ спокойно, что въ первую минуту мнѣ показалось, будто между нами возстановились прежнія отношенія и я чуть было не бросилась къ его ногамъ, чтобъ умолять его о пощадѣ. Но суровый взглядъ, которымъ онъ окинулъ меня, заставилъ меня опомниться. Молча и стоя передъ нимъ, какъ невольница передъ господиномъ, ожидала я его приказаній.

Онъ невозмутимымъ тономъ объявилъ мнѣ, что до моего бракосочетанія съ Магометомъ остается только восемь дней.

А я то, безумная, вообразила себѣ, что надо мной сжалились! О! какъ жестоко я ошибалась! Всѣ мои мольбы были напрасны, отецъ былъ непоколебимъ.

— Вы, кажется, рехнулись, сказалъ онъ, неужели вы воображаете, что здѣсь можетъ удастся такой романъ, какъ тотъ, что вы затѣяли? Ошибаетесь, моя милая, мы умѣемъ ограждать нашихъ женъ и дочерей отъ любовниковъ!.. Мои старанія узнать имя вашего возлюбленнаго остались тщетны и я пришелъ къ тому убѣжденію, что вы не солгали, онъ долженъ быть иностранецъ и ему удалось спастись бѣгствомъ отъ ожидавшей его кары, но это безразлично и я пришелъ сюда вовсе не для того, чтобъ говорить объ немъ, намъ нужно потолковать о вашей свадьбѣ.

— Я не могу выходить замужъ...

— Почему же? Развѣ вы не дали слова Магомету?

— Потому что это будетъ обманъ съ моей стороны, низкій, гнусный обманъ! вскричала я, выведенная изъ терпѣнія его презрительно равнодушнымъ тономъ. — Могу-ли я быть его женой, когда я люблю другого?

— Все это вздоръ, моя милая! Все это глупыя европейскія идеи, которыя вы должны выкинуть изъ головы, холодно возразилъ онъ. Мы требуемъ отъ нашихъ женъ повиновенія и больше ничего.

— Но я воспитана при другихъ условіяхъ и я не виновата, что у меня есть умъ, сердце и совѣсть? Могу-ли я не разсуждать?.. Могу-ли я не возмущаться при одной мысли объ обманѣ и лжи?.. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я не могу поступать безчестно! Сжальтесь надо мной! Умоляю васъ, сжальтесь! вскричала я, рыдая.

Но ничто не въ состояніи было его тронуть. Онъ сознался, что до сихъ поръ считалъ меня много благоразумнѣе и никакъ не думалъ, чтобъ я могла останавливаться на такихъ пустякахъ, какъ чувства и любовь, когда дѣло идетъ о болѣе важныхъ интересахъ.

— Что же касается до упрековъ вашей совѣсти, это такой вздоръ, на который не стоитъ обращать ни малѣйшаго вниманія. Ничего подобнаго отъ васъ не требуется и эти тонкости иностраннаго изобрѣтенія въ нашихъ гаремахъ совсѣмъ не у мѣста. Магометъ теперь въ лучшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо, но ему все-таки необходимы хорошія связи и намъ слѣдуетъ этимъ пользоваться, вотъ и все. Совѣтую вамъ скорѣе бросить ваши глупыя романическія бредни и повиноваться безпрекословно. Со временемъ вы мнѣ сами скажете спасибо за то, что я устроилъ такимъ блестящимъ и завиднымъ образомъ вашу судьбу.

Онъ поднялся съ мѣста и передъ тѣмъ, какъ уйти, еще разъ повторилъ мнѣ, что день моей свадьбы назначенъ черезъ недѣлю.

— Держать васъ взаперти въ такіе дни было бы неприлично, вамъ необходимо сдѣлать нѣсколько визитовъ и принимать гостей, прибавилъ онъ въ заключеніе. — Я уже распорядился, чтобъ нѣкоторые изъ вашихъ слугъ были снова сюда допущены, но предупреждаю васъ, что прежней свободой вы уже не будете пользоваться и что за каждымъ вашимъ шагомъ будутъ строго слѣдить.

Едва успѣлъ онъ выйти, какъ явилась Бель. Бѣдняжка со слезами бросилась обнимать меня. Ее тоже держали взаперти все это время. Назли исчезла. Ее выгнали... а, можетъ быть, ее уже нѣтъ въ живыхъ, кто знаетъ! Здѣсь такъ боятся скандала, что не отступятъ ни передъ какимъ преступленіемъ, лишь бы только заглушить его въ самомъ началѣ. Благодаря такимъ мѣрамъ, никому въ домѣ неизвѣстна истинная причина моей исторіи. Бѣдная Бель тоже ничего не знаетъ. Я ей сказала, что у меня вышли непріятности съ отцомъ изъ-за того, что я не желаю выходить замужъ, и больше ничего. Къ чему смущать ея добрую, честную душу моими печалями, вѣдь она мнѣ ни въ чемъ помочь не можетъ?

Затворничество мое было приписано болѣзни, но теперь вѣсть о моемъ выздоровленіи облетѣла весь городъ и сегодня у меня съ утра до вечера были гости.

Оснахъ явилась одна изъ первыхъ. Какая пытка выносить ея лицемѣрныя ласки, выслушивать увѣренія въ любви и преданности, которыя она расточаетъ мнѣ при постороннихъ!

Когда, наконецъ, послѣдняя посѣтительница уѣхала, моя старшая сестра приказала своимъ невольницамъ поднять ее съ дивана, на которомъ она возсѣдала весь день и съ иронической усмѣшкой посовѣтовала мнѣ усерднѣе заняться моею наружностью.

— Ты такъ блѣдна, что не мѣшало бы тебѣ нарумяниться, да и вообще ты вовсе не похожа на счастливую невѣсту, сказала она.

Я ни слова не отвѣтила ей на это, а едва только она скрылась, побѣжала на верхъ, заперла за собой дверь и плакала до тѣхъ поръ, пока рыданіями не облегчила немного щемящую боль въ груди. Чтобъ развлечь меня, Бель увела меня въ садъ. Здѣсь насъ ожидалъ Мансуръ съ матерью. Пока я ласкала мальчика, Саломея благоговѣйно поднесла мою руку къ своимъ губамъ и восторженно проговорила:

— Да благословитъ Аллахъ всѣ твои дѣянія! Раба твоя преклоняется передъ тобою и жизнь ея принадлежитъ тебѣ, за все, что ты для нея сдѣлала!

Увидѣвъ меня изъ окна, Санда тоже сошла въ садъ. Она не подозрѣваетъ моей печали и надо слышать, съ какимъ восторгомъ описываетъ она празднества, которыми будетъ сопровождаться торжество моего бракосочетанія.

Господи, какъ тяжко! Я боюсь съ ума сойти... Еслибъ можно было умереть! Умереть, а мнѣ только вчера минуло восемнадцать лѣтъ!

Всю ночь я не могла сомкнуть глазъ, всю ночь мерещился мнѣ этотъ ненавистный человѣкъ... Я видѣла себя въ его власти, онъ обнималъ меня, я была его женой и никто въ мірѣ не могъ спасти меня отъ него!.. Марта! понимаешь-ли ты, какъ это ужасно? Меня отведутъ въ его гаремъ и оставятъ тамъ одну... одну... мнѣ некуда будетъ уйти отъ него, я должна буду ему во всемъ покориться... Нѣтъ, нѣтъ! Такая пытка сверхъ человѣческихъ силъ! Гассанъ! Гассанъ! Дорогой мой, возлюбленный, гдѣ ты? Спаси меня!

Какъ хорошо было бы умереть! Есть же сильныя души, у которыхъ достаетъ мужества сбрасывать съ себя бремя жизни, но я слабая, я боюсь страданій!..

Цѣлый часъ простояла я сегодня у берега Нила, въ раздумьи надъ его голубыми волнами... Велика притягательная сила бездны, а все же я не могла рѣшиться искать въ нихъ смерти... я боюсь!..

Съ наступленіемъ дня снова началась моя пытка. У меня опять было свиданіе съ отцомъ и

теперь я ужъ ни на что не надѣюсь. Впрочемъ, моя блѣдность и распухшіе отъ слезъ глаза производятъ такое непріятное впечатлѣніе на посѣтителей, что мнѣ разрѣшено оставаться одной.

Я заперлась съ Мансуромъ и съ его матерью. Саломея сидитъ у моихъ ногъ и смотритъ на меня такимъ страннымъ, пристальнымъ взглядомъ, не говоря ни слова и какъ будто отыскивая въ умѣ какое-нибудь заклятіе, способное успокоить мучительное волненіе моей души.

Прошло еще три дня, роковая минута приближается. Я не могу ни о чемъ думать, меня точно таинственной силой тянетъ въ страшную бездонную пропасть...

XXIV.

Жребій брошенъ. Сегодня вечеромъ я покину домъ моего отца и, по всей вѣроятности, навсегда. Я писала уже тебѣ про безграничную преданность Саломеи. Вчера она снова предложила мнѣ свои услуги.

— Тебѣ очень тяжко, сказала она, опускаясь передо мной на колѣни и устремляя на меня свои блестящіе, черные глаза,—тебѣ такъ тяжко, что ты желала бы умереть?

Я кивнула утвердительно головой.

— А между тѣмъ я здѣсь, у твоихъ ногъ? Случается иногда, что и собака бываетъ полезна своему господину, почему ты не располагаешь мною?

— Бѣдная моя Саломея, моя печаль не изъ тѣхъ, что облегчаются чарами.

— Почемъ знать! возразила она все съ тѣмъ же невозмутимымъ тономъ. — Я, можетъ, знаю твою тайну, я, можетъ быть, забочусь о твоемъ спасеніи...

— Ты? Ты хочешь меня спасти?

— Я не робкая газель, я не проливаю слезъ передъ опасностью и не предаюсь безъ борьбы въ руки враговъ.

— Но чтожь ты можешь для меня сдѣлать? вскричала я съ изумленіемъ.

Она вынула изъ кармана ключъ и показала мнѣ его.

— Этимъ ключемъ можно отворить садовую калитку, которая выходитъ на берегъ Нила...

Я вскрикнула отъ радости. Ключъ этотъ доставлялъ мнѣ возможность бѣжать, оставалось только предупредить Гассана...

Саломея взялась все это устроить. Въ тотъ же день онъ получилъ мою записку и отвѣтилъ на нее. Все готово. Онъ будетъ ждать меня сегодня вечеромъ, а завтра съ утренней зарей мы покинемъ Каиръ.

Отъ Бель все скрыто. Къ чему ее мучить? Саломея отправитъ тебѣ мои послѣднія письма, ты узнаешь изъ нихъ о страданіяхъ и о спасеніи твоей бѣдной Мріемъ... Не знаю, изъ какого убѣжища мнѣ удастся написать тебѣ слѣдующее письмо.

XXV.

Марта, я погибла! Все рушилось! У меня ничего не остается, ничего, ничего... То, что случилось со мной, такъ странно, такъ смѣшно и ужасно, у меня кровь стынетъ въ жилахъ, при одномъ воспоминаніи... Представь только себѣ — всѣ эти три мѣсяца я была жертвой глупѣйшей мистификаціи! Когда я все узнала... Господи! Какъ это случилось, что я не помѣшалась отъ отчаянія, не понимаю! Я была больна послѣ этого, очень больна и, къ счастью, болѣзнь моя неизлѣчима, потому-что теперь все во мнѣ разбито — сердце, умъ, душа, все мое существо изнемогаетъ подъ этимъ новымъ, страшнымъ ударомъ! Слушай, вотъ что случилось.

Я писала тебѣ о моемъ намѣреніи бѣжать съ Гассаномъ. Въ назначенную ночь я одѣлась въ европейское платье, поверхъ котораго накинула длинный и широкій габарахъ и тихонько вышла изъ дома. Саломея ожидала меня въ саду. Въ окнахъ гарема кое-гдѣ свѣтились огоньки ночныхъ лампадъ, но все кругомъ было тихо и погружено въ глубокій сонъ. Мы отворили калитку и очутились на берегу Нила. Тутъ ожидалъ человѣкъ, который молча довелъ насъ до лодки, посадилъ въ нее и перевезъ на противоположный берегъ. Я все время дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Отчего? Отъ страха или отъ радости? А можетъ быть, отъ предчувствія ожидавшей меня бѣды.

Наконецъ, мы причалили. Я поспѣшно сбросила съ себя габарахъ и мы направились къ уединенной хижинѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега. У порога Саломея и проводникъ нашъ остановились, а я вошла въ домъ. Сердце мое страшно билось — передо мной стоялъ Гассанъ. Онъ бросился ко мнѣ на встрѣчу и вдругъ, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ, на лицѣ его выразилось странное недоумѣніе... Мнѣ показалось, что онъ не узнаетъ меня въ новомъ костюмѣ и я торопливо откинула назадъ мой вуаль... Крикъ отчаянія вырвался изъ его груди.

— Гдѣ же Адила? спросилъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ.

— Адила? пролепетала я, не понимая.

— Боже! Что случилось? Зачѣмъ она васъ сюда прислала вмѣсто себя?

Тутъ я все поняла! Онъ ждалъ Адилу! Онъ ее любилъ, а не меня, онъ ей писалъ тѣ пламенныя признанія, на которыя я отвѣчала, принимая ихъ на свой счетъ... Онъ поднялъ и поднесъ къ губамъ цвѣтокъ, брошенный изъ окна бесѣдки, въ полной увѣренности, что это она его бросила... Ее онъ видѣлъ сквозь вѣтки жасмина и въ нее влюбился до безумія... А при встрѣчѣ на берегу Нила, когда онъ спасъ Мансура, онъ смотрѣлъ только на нее, меня онъ даже и не замѣтилъ!

Изумленный моимъ молчаніемъ и не подозрѣвая, какимъ страшнымъ ударомъ я поражена, онъ повторилъ дрожащимъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, гдѣ она?

Я не знаю, что именно отвѣтила ему, помню только то, что я убѣжала отъ него и долго, долго бѣжала безъ оглядки, сама не зная куда, зачѣмъ... Потомъ я упала и потеряла сознаніе.

Когда я пришла въ себя, солнце освѣщало мою спальню и у постели плакала Бель. Она разсказала мнѣ, что среди ночи Саломея прибѣжала ей объявить, что она нашла меня въ саду въ глубокомъ обморокѣ и принесла меня домой. Она ничего больше не знала. Я не въ силахъ была произнести ни слова, но я указала ей знакомъ на мое платье, испачканное въ пескѣ и она поняла, что необходимо скрыть всѣ слѣды моего ночного приключенія. Когда отца увѣдомили о моей внезапной болѣзни, онъ привелъ ко мнѣ доктора. Я слышала, какъ онъ объявилъ, что состояніе мое опасно... Умереть! Неужели Господь пошлетъ мнѣ избавленіе?

Съ тѣхъ поръ прошла недѣля, я страдаю столько же, но смерти нѣтъ. Въ моемъ глупомъ тѣлѣ столько силы, столько живучести, что я хожу, разговариваю, пишу тебѣ... Ужасно! Неправда-ли, то, что со мной случилось, ужасно? Подумай только — онъ не меня любилъ, онъ любилъ ее, Адилу! Онъ, вѣрно, и до сихъ поръ ее любитъ... Онъ былъ убѣжденъ, что это она приходила къ нему на свиданіе въ садъ Зуры... Да и понятно, вѣдь это ея домъ, ея бесѣдка... Когда онъ увидѣлъ женскую руку между вѣтками жасмина, онъ подумалъ, что это ея рука, иначе и быть не могло... А я-то, глупая!.. я ничего не понимала, ничего не подозрѣвала!.. Сердце мнѣ ничего не подсказывало, я не чувствовала, что счастье мое покоится на обманчивомъ призракѣ, созданномъ моимъ воображеніемъ!..

Не все-ли равно? вѣдь я должна умереть...

Дни идутъ за днями, но для меня это безразлично, у меня нѣтъ желаній, нѣтъ цѣли кромѣ смерти... Я ко всему сдѣлалась холодна, какъ тѣ муміи царей, что покоятся подъ высокими пирамидами. Мнѣ ничего не надо... А онъ, несчастный? Ему должно быть очень больно?.. Какой странный случай, не правда-ли? Ожидать любимую женщину и вдругъ увидѣть передъ собой совершенно незнакомое существо... Онъ даже не знаетъ, какъ меня зовутъ, въ моихъ письмахъ я никогда не подписывалась... За кого онъ принялъ меня, за невольницу, вѣрно?.. Какъ глупо вспоминать все это! Не имѣть настолько гордости, чтобъ придушить свое горе — какая подлость! Марта, еслибъ я могла разучиться думать, еслибъ я могла забыть!.. Какъ онъ ее любитъ!.. Помнишь его письма?.. А еслибъ ты видѣла его глаза, еслибъ ты слышала его голосъ, когда онъ воображалъ, что передъ нимъ стоитъ она, Адила!..

О! Какая мука! У меня нѣтъ больше слезъ, сердце ноетъ, грудь сводитъ судорогами... Зачѣмъ убѣжала я такъ скоро?.. Онъ, можетъ быть, сжалился бы надо мной... Нѣтъ, нѣтъ, такъ лучше! Онъ не долженъ знать, онъ никогда, никогда не узнаетъ!

XXVI.

Докторъ объявилъ, что я спасена... Я буду жить...

Приготовленія къ моей свадьбѣ идутъ своимъ порядкомъ... У меня нѣтъ силъ бороться да и къ чему?

Вчера вотъ что произошло. Мнѣ объявили съ утра, чтобъ я готовилась къ великому торжеству, а вечеромъ явилась Оснахъ и присутствовала при моемъ туалетѣ. Меня при ней одѣвали, румянили, подкрашивали мнѣ глаза... а затѣмъ накрыли розовымъ тюлевымъ покрываломъ и повели. При моемъ появленіи заиграла музыка. Меня посадили на тронъ изъ розъ и камелій и сняли съ меня покрывало. Все запрыгало и закружилось передо мной, въ ушахъ поднялся гулъ и глаза мои на минуту закрылись... Когда я ихъ открыла и оглянулась вокругъ, то увидѣла себя среди великолѣпно разукрашенной залы большого гарема. Стѣны исчезали подъ золотыми украшеніями, усыпанными драгоцѣнными каменьями. Невольницы, въ великолѣпныхъ костюмахъ, стояли всѣ въ рядъ; онѣ держали въ рукахъ цвѣты изъ газа, за которыми сверкало пламя зажженныхъ свѣчей.

Началось торжественное представленіе родственницъ Магомета. Каждую изъ нихъ моя старшая сестра подводила ко мнѣ и всѣ онѣ поочередно говорили мнѣ заученное заранѣе привѣтствіе и цѣловали край моего покрывала.

Народу набралось множество. По здѣшнему обычаю, всякая мусульманка имѣетъ право войти въ гаремъ, гдѣ празднуется бракосочетаніе. У меня голова кружилась отъ всего этого шума и сутолки... Вдругъ по данному знаку все смолкло. Музыка перестала играть. Тишина заставила меня очнуться... Оснахъ взяла меня за руку и повела къ запертой двери... Богъ знаетъ почему, но я невольно содрогнулась передъ таинственнымъ обрядомъ, значеніе котораго было для меня непонятно.

Кто-то постучалъ въ дверь, какой-то голосъ спрашивалъ: согласна ли я быть женой Магомета?.. Я съ испугомъ оглянулась на стоявшую рядомъ со мной сестру... Она отвѣчала за меня «да», три раза...

Марта! Я замужемъ!

Человѣкъ, предлагавшій мнѣ вопросы за запертой дверью, былъ Имамъ, я узнала это послѣ, когда все было кончено!

XXVII.

Завтра меня увезутъ къ мужу. Оснахъ ни на минуту не оставляетъ меня одну... Братъ пріѣзжалъ поздравлять меня, она присутствовала при нашемъ свиданіи. Отецъ, кажется, доволенъ моею покорностью и сегодня утромъ, когда я со слезами бросилась обнимать его, онъ сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ...

Адила прислала мнѣ великолѣпный подарокъ... Воспоминанія съ такой неумолимой силой нахлынули на меня, что я не могла продолжать писать и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Проходя мимо шкафа съ книгами, я машинально взяла одну изъ нихъ и развернула... Это былъ Шекспиръ и книга развернулась на «Клеопатрѣ».

Вѣдь есть же женщины, которыя не могутъ забыть... Она и умереть съумѣла во время, а между тѣмъ, ей было чѣмъ вспомянуть прошлое, она была любима...

«Нарядите меня царицей, я иду встрѣчать Марка Антонія... Надѣньте на меня платье и вѣнецъ»...

«Возлѣ нея человѣкъ съ корзиной плодовъ и съ маленькимъ пресмыкающимся, которое убиваетъ безъ боли».

— «Правда-ли, что укушеніе его смертельно?»

— «Такъ точно. Желаю вамъ много удовольствія съ этимъ червячкомъ»...

. . . .

Мать Мансура застала меня за этимъ чтеніемъ. На меня вдругъ нашло странное любопытство.

— Ты все еще держишь у себя ту маленькую ядовитую змѣйку, которую я видѣла въ твоемъ домѣ? спросила я.

— Да.

— Правда-ли, что укушеніе ея смертельно?

— Правда. Оно нагоняетъ сонъ, отъ котораго нѣтъ пробужденія.

— Слушай, продолжала я, мнѣ очень бы хотѣлось еще разъ взглянуть на эту змѣйку.

— Для чего?

— Видишь эту книгу? Тутъ описана исторія одной изъ нашихъ царицъ... Она была прекрасна, могущественна и умерла отъ укушенія такой змѣйки... Принеси мнѣ ее.

— Для чего? мрачно повторила Саломея.

— Неужели ты не догадываешься? Меня везутъ завтра въ домъ мужа, я хочу погадать о моей судьбѣ, а вѣдь эта змѣйка тебѣ служитъ при твоихъ заклинаніяхъ... принеси мнѣ ее скорѣе, я хочу!

Она повиновалась и ушла за своими принадлежностями для ворожбы. Я осталась одна.

Странная моя судьба! Помнишь тотъ день, когда я сюда пріѣхала? Въ какомъ я была восторгѣ!. Какъ все улыбалось мнѣ!.. а теперь?.. Удивительная со мной случилась исторія, не правда-ли? Замкнутая со всѣхъ сторонъ въ тюрьмѣ, называемой гаремомъ, я жила, любила, испытала радости и муки страсти... и все это точно въ какой-то галлюцинаціи...

Въ моей комнатѣ стоитъ великолѣпная ваза съ огромнымъ букетомъ изъ розъ... Между ними бѣлѣется нѣсколько вѣточекъ жасмина...

Ты представить себѣ не можешь, какъ мнѣ больно отъ этого цвѣтка!

XXVIII.

Цѣлую ночь не могла сомкнуть глазъ. Теперь полдень. Я только что встала. Мнѣ хочется прибавить нѣсколько строкъ къ моему вчерашнему письму. На столикѣ передо мной стоитъ деревянный ящичекъ, въ немъ лежитъ маленькая змѣйка на свѣжихъ листьяхъ.

Странное животное! Точно изумрудный браслетъ, усыпанный розовыми жемчужинами.

Я заперлась, чтобъ не слышать суматохи въ домѣ, по случаю торжественной церемоніи перенесенія моего приданаго въ домъ мужа. А сегодня вечеромъ, при свѣтѣ зажженыхъ факеловъ, я сяду въ карету съ моей сестрой Оснахъ и меня повезутъ въ мое новое жилище...

Изъ оконъ моихъ невольницъ можно видѣть экипажи, вывезенные на дворъ. Ихъ готовятъ къ сегодняшнему торжеству... Все это блеститъ и сверкаетъ, до отъѣзда остается только нѣсколько часовъ... Мнѣ остается жить только нѣсколько часовъ... Эту ночь я ужь проведу въ домѣ Магомета... Господи! Да чтожь это наконецъ? Мнѣ до сихъ поръ казалось, что эта страшная минута никогда не наступитъ, я была такъ придавлена горемъ, что не могла даже страдать, не могла понимать что во мнѣ дѣлается... теперь все ясно!.. Я люблю... люблю Гассана!.. Я не хочу, я не могу принадлежать другому!.. Замужемъ! Я замужемъ?.. О, нѣтъ! нѣтъ!.. Это былъ сонъ, ужасный сонъ, но теперь я проснулась и судьба моя должна свершиться!

Марта! Ты одна въ мірѣ знаешь мою тайну, храни ее... Храни ее вмѣстѣ съ воспоминаніемъ обо мнѣ...

Я открыла ящичекъ... червячекъ укусилъ меня, я умираю... прощай...

XXIX.

«Дорогая моя,

«Случилось большое несчастье! Нашей маленькой принцессы не стало. Она скончалась внезапно, въ ту самую минуту, когда всѣ мы радовались блестящей судьбѣ, которая ожидала ее! Сегодня должны были везти ее во дворецъ ея мужа, ужь все было готово... Когда мы вошли въ ея комнату, она лежала мертвая! Въ цвѣтахъ, разсыпанныхъ кругомъ, нашли ту маленькую ядовитую змѣйку, которая ужалила ее».

«Прилагаю при семъ запечатанное письмо на ваше имя, которое я вынула изъ ея рукъ».

Іосифъ Крашевскій.

Біографическій очеркъ **П. В. Быкова.**

(Окончаніе.)

Окончивъ черезъ три года университетскій курсъ, Іосифъ Крашевскій явился между состязателями на профессуру польскаго языка и литературы въ кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра, которая и была присуждена ему; однако нѣкоторыя обстоятельства не позволили ему принять этой кафедры и онъ переселился въ волынскую губернію, взялъ въ аренду фольваркъ и началъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, въ то же время посвящая свои досуги литературѣ, живописи и музыкѣ, которую онъ любилъ страстно. Но тихая сельская жизнь, съ ея крайней монотонностью и довольно мелкими интересами, естественно не могла удовлетворить такую натуру, какую имѣлъ Крашевскій. Онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе быть наставникомъ народа, разъяснять ему его задачи и стремленія, истолковывать его дѣйствительное положеніе, его истинныя нужды и потребности. Энергичная, богато одаренная натура молодого человѣка жаждала кипучей, болѣе широкой, осмысленной дѣятельности, которой можно было бы посвятить весь умъ, всѣ силы и познанія, все дарованіе; для такихъ людей одной личной, частной дѣятельности—весьма мало, а потому и Крашевскаго тяготило деревенское прозябаніе, его влекло къ центрамъ умственной жизни, туда, гдѣ онъ могъ всецѣло отдать себя на служеніе обществу, стать его руководителемъ, поучая массу своимъ искустнымъ перомъ, живымъ, пламеннымъ словомъ. Крашевскій вполнѣ сознаяъ это и покинулъ свое деревенское помѣстье. Женившись въ 1838 году на Софьѣ Воронецъ, племянницѣ послѣдняго польскаго примаса, онъ переселился съ семействомъ своимъ въ городъ Житоміръ,—гдѣ сосредоточивалась въ то время вся умственная жизнь Волыни; здѣсь онъ прожилъ вплоть до 1859 года, занимаясь исключительно литературой и съ каждымъ новымъ произведеніемъ пріобрѣтая все большій и большій кругъ читателей, извѣстность и симпатію.

Въ періодъ времени съ 1838 года, т. е. съ переѣздомъ Крашевскаго въ городъ, до 1859 года онъ написалъ и издалъ множество повѣстей, историческихъ и бытовыхъ романовъ, поэмъ и мелкихъ стихотвореній, историко-литературныхъ изслѣдованій, критическихъ статей, драматическихъ пьесъ и другихъ произведеній, что составило болѣе 150 томовъ разныхъ сочиненій. Изъ стихотворныхъ произведеній его самой большей извѣстностью пользуется огромная богатырская поэма трилогія «Анафіелясъ», состоящая изъ трехъ отдѣльныхъ поэмъ, написанныхъ въ разное время: «Витольдонда» (1840 г.), «Миндавгъ» (1843 г.) и «Битвы Витовта» (1845 г.), содержаніе которыхъ заимствовано изъ исторіи старой Литвы, изъ языческихъ преданій. Въ этихъ поэмахъ авторъ затронулъ 3 историческіе момента литовскаго народа — мифическій, христіанско-языческій и рыцарско-христіанскій, и въ цѣломъ рядѣ живописныхъ картинъ и поэтическихъ образовъ желалъ изобразить, возможно вѣрнѣе, вѣрованія, обряды, обычаи и народныя преданія сѣдой старины, воскресить въ памяти народа грандіозные образы и фигуры любимѣйшихъ его героевъ, богатырей, князей, рыцарей и сказочныхъ красавицъ. Какъ ни благодаренъ, повидимому, подобный матеріалъ, какъ ни интересенъ самъ по себѣ этотъ сюжетъ, но поэма въ общемъ вышла довольно слаба, особенно при сравненіи ея съ тѣми истинными красотами, которыя хотѣлось изобразить автору. И только немногія мѣста ея дышатъ неподдѣльной, высокой поэзіей. Что касается до мелкихъ стихотвореній Крашевскаго, то они тоже талантливы, какъ и все выходящее изъ подъ пера его; они, въ большинствѣ случаевъ, гладки по стиху, одушевлены мыслью и чувствомъ, но ничѣмъ особеннымъ не выдаются и значительно уступаютъ поэтическимъ твореніямъ Владислава Сырокомли, Викентія Поля, Юлія Словацкаго, Богдана Залѣскаго, графа Сигизмунда Красинскаго и прочихъ корифеевъ польской поэзіи, не говоря уже о великомъ польскомъ поэтѣ— Мицкевичѣ.

Но если стихотворенія мало соотвѣтствовали свойствамъ дарованія Крашевскаго и если въ этомъ родѣ литературы онъ не болѣе какъ одинъ изъ многихъ, то за то въ области романа, особенно историческаго, онъ не только совершенно на своемъ мѣстѣ и является настоящимъ мастеромъ своего дѣла, но и рѣшительно не имѣетъ себѣ соперниковъ въ польской литературѣ. Каждый романъ, каждая повѣсть его представляютъ живую, вѣрную характеристику, живописную лѣтопись той поры, въ какую они были написаны. Какъ самый внимательный и добросовѣстный наблюдатель, онъ слѣдитъ за жизнью всѣхъ слоевъ общества, за его насущными потребностями, за тѣмъ, какія идеи волнуютъ его въ данный моментъ, какое направленіе преобладаетъ въ немъ; онъ старается докопаться до коренныхъ, психологическихъ причинъ того или другого поступка различныхъ членовъ этого общества, съ особенной любовью анализируетъ малѣйшіе изгибы человѣческой души. Онъ равно проникалъ, и сердцемъ и мыслью, какъ въ салонъ важнаго, вельможнаго пана или въ богатую барскую усадьбу, такъ и въ убогую, скромную избушку крестьянина или въ вертепъ страшной нищеты, въ цыганскій шатеръ, въ жидовскую корчму, словомъ, всюду, гдѣ живетъ или прозябаетъ, трудится и страдаетъ, бездѣльничаетъ и веселится человѣкъ. Въ романахъ и повѣстяхъ Крашевскаго каждое лицо, изъ какого бы класса оно ни было, представляетъ вѣрную, точную фотографію съ натуры. Свѣтскій, ловкій баричъ, увалень-помѣщикъ, разбогатѣвшій, самодовольный мѣщанинъ, крестьянинъ, купецъ, шинкарь-еврей, ксёндзъ и даже цыганъ—всѣ эти типы изображены у него одинаково мѣтко, характерно, рельефно, со всѣми ихъ особенностями, что служитъ вѣскимъ доказательствомъ полнаго и всесторонняго знакомства автора съ бытомъ всѣхъ классовъ общества. Но не одни только житейскіе, обыденные типы

произведеній Крашевскаго приковываютъ вниманіе читателя; въ нихъ вы встрѣтите множество разнообразныхъ, повидимому фантастическихъ образовъ, которые на самомъ дѣлѣ реальны и вѣрны истинѣ, фигуръ, иногда только слегка намѣченныхъ, какъ бы туманныхъ, которыя дорисовываются вашимъ воображеніемъ и трудно забываются. Напримѣръ, эта странная, и, не смотря на полное паденіе, гордая метреса хилаго, стараго развратника изъ повѣсти «Семейныя дѣла» или злополучная Фраскателла, умирающая съ тоски по родинѣ и весело смѣющаяся въ смертный часъ. А сколько чудныхъ, богатыхъ картинъ, поэтическихъ описаній природы и хватающихъ за сердце сценъ вы найдете у Крашевскаго,— будетъ ли это большой романъ или маленькій, мастерской эскизъ! Глубокое дарованіе истиннаго художника обнаруживается въ каждой подобной страницѣ почтеннаго творца польской повѣсти.

Въ указанный нами періодъ времени (1838—1859 г.), Крашевскій, по свойственной ему удивительной плодовитости, написалъ множество бытовыхъ и историческихъ романовъ и повѣстей, одно перечисленіе которыхъ заняло бы не мало мѣста, а потому мы укажемъ здѣсь заглавія наиболѣе выдающихся произведеній; изъ бытовыхъ большимъ успѣхомъ пользуются: «Poeta i Swiat» (1839 г.), «Historya o bladej dziewczynie» («Исторія блѣдной дѣвушки») (1841), «Pan Walery», «Ульяна» (1843), «Latarnia czarnoksięzka» («Фонарь чернокнижника») (1843—1844), «Wielki swiat malego miastechka», «Pod wloskiem niebem» («Подъ итальянскимъ небомъ») (1845) «Ladowa pieczara», «Pamętniki nieznajamego», «Сфинксъ» (1848), «Милліонъ приданаго» (1848), «Ostroznie z ogniem» («Осторожнѣе съ огнемъ») (1851), «Stary sługa», «Dziwadta», «Золотое яблоко» (1853). «Chata za wsią» («Хата за околицей») (1854—1855), «Будникъ» (1852), «Комедіанты» (1856), «Останъ Бондарчукъ» (1857), «Повѣсть безъ заглавія» (1858), «Два Свѣта» (1856), «Болѣзни вѣка» (1857). «Семейныя дѣла» и проч. и проч. Къ числу лучшихъ историческихъ романовъ относятся: «Панъ Твардовскій» (1840), «Софія, послѣдняя княжна Слуцкая» (1841), «Кардецкій» (1852), «Демонъ» (1855) и мног. друг. Впрочемъ трудно сказать, какіе изъ историческихъ романовъ Крашевскаго «лучше», потому что всѣ они отличаются несомнѣнными достоинствами, всѣ одинаково хороши; авторъ превосходно изучилъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ЗЕМЦОВА.

Мѣстничество.

Рѣзано на деревѣ въ «**Варшавской политипажнѣ**» въ С.-Петербургѣ.

исторію польскаго народа, преимущественно конца XVIII столѣтія, и самая строгая историческая правда является у него въ цѣломъ рядѣ яркихъ художественныхъ картинъ и живыхъ образцовъ. Эти романы, которымъ уступаютъ мѣсто даже наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія Крашевскаго, написаны настолько увлекательно и правдиво, что читателю нужно слишкомъ мало воображенія, чтобы какъ на яву увидать передъ собою и мѣста дѣйствія и дѣйствующихъ лицъ той эпохи, которую изображаетъ авторъ. И если вы прочтете два-три подобныхъ романа его, то можете вполнѣ уяснить себѣ чѣмъ именно были люди извѣстной эпохи и какіе предразсудки, какія побужденія руководили ими.

Мы уже сказали, что съ первыхъ же произведеній своихъ Крашевскій обнаружилъ замѣчательный талантъ; его повѣсти: «Поэтъ и Свѣтъ», «Исторія бѣдной дѣвушки», «Ульяна» и др. читались на расхватъ и выдержали нѣсколько изданій, расходясь въ большомъ количествѣ и въ Польшѣ и за-границей, и все-таки онѣ, не смотря на восторгъ, вызванный ихъ появленіемъ, сильно блѣднѣютъ передъ послѣдующими произведеніями неутомимаго писателя. Крашевскій видимо постоянно прогрессировалъ, расширяя свой умственный кругозоръ и пріобрѣтая все болѣе и болѣе серьезные, глубокіе взгляды, а вмѣстѣ съ тѣмъ мощь и силу чувства—эти относительныя, неотъемлемыя черты его дарованія. Если ко всему этому прибавить изящество, красоту рѣчи, остроуміе, умѣнье ловко и легко вести интригу и всегда заинтересовывать читателя, при помощи живой, богатой фантазіи, то станетъ совершенно понятно, почему Крашевскаго называютъ «королемъ польскихъ беллетристовъ» и почему онъ имѣетъ такой обширный кругъ почитателей и особенно поклонницъ между женщинами, которыя естественно должны быть благодарны Крашевскому, за то, что онъ идеализировалъ, облагородилъ и возвысилъ типъ польской женщины и всегда относился къ нему съ любовью. Кромѣ множества повѣстей, стихотвореній и нѣсколькихъ поэмъ, Крашевскій написалъ, въ тотъ же періодъ времени, съ 1838 по 1859 годъ, «Исторію Литвы» (въ 3-хъ томахъ), «Исторію Вильны» (въ 4 част.), «Путевыя воспоминанія о Волыни и Одессѣ», «Памятники исторіи Польши» и друг.; а также издалъ двѣ серіи литературныхъ изслѣдованій, напечаталъ много критическихъ статей (напр. статья о логикѣ Трентовскаго) и рецензій, участвуя почти во всѣхъ польскихъ газетахъ; былъ фельетонистомъ «Gaseta Warszawska» и постояннымъ сотрудникомъ петербургской газеты «Tygodnik-Petersburski» и наконецъ самъ болѣе 15 лѣтъ издавалъ и редактировалъ журналъ «Атенеумъ».

Въ 1859 году Крашевскій перебрался въ Варшаву, гдѣ сталъ редактировать «Польскую Газету», чѣмъ и доставилъ ей чрезвычайную популярность. Въ 1862 году ему, по независящимъ обстоятельствамъ, пришлось покинуть отечество и поселиться въ Дрезденѣ. Съ 1859 г. по настоящее время Крашевскій написалъ почти столько же, какъ и въ первые 20 лѣтъ своей литературной дѣятельности. Изъ его историческихъ и бытовыхъ романовъ, этого періода, наиболѣе извѣстны слѣдующіе: «Доля и Недоля» (1864 г.), «Ермола. Деревенскіе очерки» (1861), «Morituri» и «Resurrecturi» (1872—1874), «Безъ заглавія» (1870), «Дѣти Вѣка» (1870), «Чудаки» (1873), «Сиротская доля» (1874), «Мачиха» (1875), «Графъ Брюль» (1875), «Hrabina Kosel» (Фаворитки короля Августа II) (1875), «Изъ семилѣтней войны» (1876) и проч. Сюда же относятся и повѣсти его, подписанныя псевдонимомъ Болеславита, которыя всѣ приписываютъ ему и которыя носятъ на себѣ отпечатокъ довольно рѣзкой политической тенденціи, таковы: «Дитя стариннаго города» (1863), «Шпіонъ» (1864), «Мы и они» (1865), «Жидъ» (1866), «На разсвѣтѣ» (1866), «Бродяги» (1868—1871) и др.

Писатель серьезно и разносторонне образованный, Крашевскій показалъ, что ни одна изъ сферъ человѣческой мысли не чужда для него: онъ пробовалъ свои силы положительно во всѣхъ родахъ литературной дѣятельности и всюду и вездѣ имѣлъ успѣхъ, были-ли то—драма, философскій трактатъ, историческая или археологическая монографія, критика, художественная рецензія, политическій вопросъ, педагогическая статья, журнальная замѣтка, юридическая статья, корреспонденція, и т. д. Такое разнообразіе таланта невольно заставляетъ удивляться, но еще болѣе изумительна колоссальная производительность Крашевскаго: если перечислить одни только заглавія отдѣльно изданныхъ его произведеній, то ихъ наберется болѣе 200, число же томовъ будетъ почти 400, а если включить сюда и журнальныя статьи всевозможнаго содержанія, помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, тогда число томовъ должно возрости до 700. Даровитый писатель, котораго многіе критики называютъ польскимъ Дюма, извѣстенъ не только въ своей странѣ, но и за-границей; многія произведенія его переведены на русскій, богемскій, нѣмецкій и французскій языки; его историческія и бытовыя повѣсти выдержали по нѣскольку изданій.

«Крашевскій, говорится въ одной его біографіи, съумѣлъ воплотить въ себѣ нравственную физіономію польскаго народа, его индивидуальный духъ и все то, чѣмъ вправѣ гордится всякая культурная нація; онъ имѣетъ, по своимъ стремленіямъ, много общаго съ русскими людьми сороковыхъ годовъ. Онъ, подобно имъ, впервые заговорилъ въ печати о правахъ народа, горячо ратуя за освобожденіе крестьянъ и при этомъ, ему приходилось идти одиноко и становиться въ разрѣзъ съ понятіями шляхтичей, которые были пропитаны инстинктами ярыхъ крѣпостниковъ; онъ же одинъ изъ первыхъ въ польской прессѣ проводилъ идею о необходимости свободы печати для русской журналистики».

Если вѣрить нѣкоторымъ отзывамъ польскихъ газетъ, даровитый писатель за всю свою полувѣковую дѣятельность чуждался тѣхъ политическихъ стремленій, которыми одно время отличалось все польское общество; держась рѣшительно въ сторонѣ, онъ не примкнулъ ни къ одной политической партіи и, какъ ни былъ популяренъ въ своемъ отечествѣ, отказывался всегда стать во главѣ руководителей, не смотря на самыя лестныя для его самолюбія предложенія. И если во время жгучихъ событій въ его отечествѣ онъ нѣсколько погрѣшилъ противъ Россіи, послѣ своего изгнанія въ 1862 году, то и здѣсь онъ, говоря по совѣсти, заслуживаетъ оправданія помимо всего еще и за то, что обладаетъ необыкновенной прямотою характера, проникнутъ глубокимъ сознаніемъ обязанностей гражданина и является истиннымъ патріотомъ своей отчизны, вполнѣ сознающимъ ошибки своей націи и горюющимъ объ этихъ ошибкахъ. За такія высокія качества онъ оцѣненъ по заслугамъ не только своими соотечественниками и друзьями славянства, но и лучшими, интелигентными людьми Западной Европы.

Несмотря на свои рѣдкія и капитальныя достоинства, сочиненія Крашевскаго страдаютъ однимъ, довольно важнымъ недостаткомъ: почти всѣ они не представляютъ совершенно законченной художественной цѣльности и производятъ впечатлѣніе чего-то недосказаннаго. Правда, сначала авторъ поражаетъ васъ тщательной отдѣлкой деталей, но подъ конецъ вы невольно замѣчаете ту странную, лихорадочную поспѣшность, съ какою онъ относится къ своей работѣ, которую онъ какъ-нибудь желаетъ окончить по-скорѣе, съ тѣмъ, чтобы взяться за новый трудъ, провести новую мысль. Отъ того у него не найдется положительно ни одного произведенія, которое слилось бы съ его почтеннымъ именемъ. И когда онъ со временемъ перейдетъ въ потомство, то о немъ будутъ вспоминать не какъ объ авторѣ того или другого произведенія, а какъ о создателѣ польской повѣсти, о писателѣ имѣвшемъ продолжительное вліяніе на современное ему общество и сдѣлавшемъ эпоху въ польской литературѣ. Указанный нами недостатокъ конечно происходитъ отъ той непомѣрной производительности этого талантливаго писателя, которая, понятно, мѣшаетъ ему надлежащимъ образомъ отдѣлывать свои работы.

Крашевскаго часто упрекали въ излишней тратѣ своего дарованія на мелочи,—на это почтенный писатель вотъ что сказалъ въ предисловіи къ первому тому своихъ сочиненій: «Спросите у птицъ, зачѣмъ онѣ поютъ; у цвѣтовъ, почему они распускаются; у земли, какимъ образомъ она каждый годъ облекается въ новый зеленый нарядъ; у тучъ, куда онѣ торопятся; спросите самихъ себя: почему вы дѣлаете такъ, а не иначе—и вы получите отвѣтъ, отчего я пишу не то, а другое...»

Въ настоящее время корифею польской литературы 67 лѣтъ, онъ значительно пережилъ своихъ умершихъ друзей Сырокомлю и Корженевскаго, но не пережить ему своей славы, настолько же прочной, насколько прочны и велики заслуги Іосифа Крашевскаго въ родной ему литературѣ, питающей глубокое уваженіе къ любимѣйшему своему писателю,—самому популярному въ польской литературѣ послѣ Мицкевича. Юбилей маститаго литератора, въ которомъ принимаютъ живѣйшее участіе не только представители прессы, интелигенціи и артистическаго міра, и но и торговыя и ремесленныя корпораціи, показываетъ, что настоящее торжество, чуждое политическаго, тенденціознаго характера, разрослось до размѣровъ большого, истинно народнаго праздниства.

На русскій языкъ переведены слѣдующія произведенія Крашевскаго: «Софія, послѣдняя изъ княженъ Слуцкихъ» (М. 1845), «Послѣдній изъ Сѣкиринскихъ» («Отеч. Зап.» 1851), «Будникъ» и «Осторожнѣе съ огнемъ»—повѣсти въ переводѣ А. С. Чужбинскаго, (Спб. 1852), «Хата за околицей» («Библ. для Чтен.» 1856), «Комедіанты» (Ibid. 1857), «Останъ Бондарчукъ», романъ, (Спб. 1861), «Ульяна» (Спб. 1861), «Два свѣта» (Спб. 1859), «Ермола, Деревенскіе очерки» (Спб. 1861), «Панъ Твардовскій» (Спб. 1859), «Дѣти Вѣка», романъ, (Спб. 1870), «Чудаки», романъ, (Спб. 1874), «Сиротская доля», романъ, (Спб. 1874), «Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго» (Спб. 1874), «Фаворитки короля Августа II» (Hrabina Kozel) въ переводѣ Н. С. Лѣскова (Спб. 1876), и множество мелкихъ разсказовъ въ журналахъ.

ЗОЛОТО И ИМЯ.

(Романъ г-жи Шварцъ.)

(*Продолженіе.*)

IV.

Годъ спустя, въ началѣ іюня въ Висбаденѣ кипѣла жизнь. Одно развлеченіе смѣнялось другимъ; веселились на пропалую, а вмѣстѣ съ тѣмъ ловкіе люди, спекулируя на человѣческую глупость, наживали себѣ состояніе. Здоровье, капиталъ, счастье казались пустяками, на которые никто не обращалъ здѣсь вниманія. Висбаденское населеніе можно было раздѣлить на три класса: одинъ, наживавшійся; другой, пропускав-

шій свои деньги, и третій, пріѣхавшій лечиться. Послѣдній былъ добычей гостинницъ и врачей. Не малое число представителей второго класса платили дань первому.

Однажды, въ началѣ сезона, въ игорной комнатѣ курзала собралась масса играющихъ. Большая же прекрасная зала, рядомъ съ этой комнатой, оставалась пуста; по ней ходили только два молодыхъ человѣка и жарко разговаривали, не обращая вниманія на долетавшіе до нихъ звуки музыки и шумъ многочисленныхъ голосовъ.

Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ высокою грудью и широкими плечами; вся его наружность показывала силу и здоровье; голова большая съ густыми вьющимися каштановыми волосами и свѣжимъ цвѣтомъ лица; онъ имѣлъ бѣлые зубы, полныя губы, выражающія доброту и рѣшимость, что въ соединеніи съ прямымъ носомъ придавало ему что-то мужественное. Красивыя бакенбарды, бритые подбородокъ и верхняя губа заставляли подозрѣвать въ немъ англичанина.

Другой былъ настоящимъ типомъ аристократа. Стройный, высокаго роста съ правильными чертами лица, маленькими ногами и руками; волосы и бакенбарды его были свѣтлокаштановые, цвѣтъ лица такъ хорошъ, что могъ возбудить зависть даже въ молодой дѣвушкѣ. Онъ тоже, видимо, былъ англичаниномъ.

— Лордъ Кастертонъ, говорю тебѣ серьезно, маркиза вызывала меня въ Кобленцъ. Я привезъ ее сюда, говорилъ первый; — если не вѣришь, зайди въ гостинницу Фениксъ, тамъ увидишь свою тетку.

— Объясни мнѣ пожалуйста, зачѣмъ пріѣхала она сюда? спросилъ Кастертонъ.

— Съ удовольствіемъ; я давно хотѣлъ съ тобою объясниться, но ты, не желая думать ни о чемъ, что обезпечиваетъ тебѣ будущее, все обращаешь въ шутку.

— Ты, какъ я вижу, Сидней, до сихъ поръ любишь читать наставленія, смѣясь, сказалъ Кастертонъ, — оставь на время эту привычку и займемся маркизой.

— Она требуетъ, чтобы ты немедленно женился.

Пораженный Эдвинъ остановился и съ такимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на сэра Лембурна, что оба засмѣялись.

— Маркиза, должно быть, съума сошла, сказалъ Эдвинъ, переставая смѣяться, — иначе я никакъ не могу объяснить ея требованія. Назови, по крайней мѣрѣ, причину, побуждающую ее требовать, чтобы я наложилъ на себя супружеское иго.

— Она надѣется, что женитьбой ты поправишь твое состояніе. Она знаетъ, что оно совсѣмъ разстроено.

— Да, мой банкиръ давно объявилъ мнѣ, что я раззоренъ, что и принудило меня покинуть Англію. Всѣ мои имѣнія заложены, не думаю даже, чтобы кто-нибудь рѣшился повѣрить мнѣ фунтъ взаймы, но маркиза ошибается, думая, что Эдвинъ Кастертонъ рѣшится вступить въ бракъ для поправленія своего состоянія, не я разстроилъ его, а получилъ уже такимъ, потому и не считаю себя обязаннымъ продать свободу и честь для поправленія его.

— Маркиза не требуетъ, чтобы ты женился на деньгахъ, ты можешь выбрать бѣдную, простую дѣвушку, только не француженку.

— Неужели? Моя тетушка, какъ я вижу, до сихъ поръ чувствуетъ отвращеніе къ француженкамъ... Позволь однако узнать, что я выиграю бракомъ.

— Это воля маркизы. Тебѣ извѣстно ея богатство, извѣстно, какъ она любила твоего отца. Умри она безъ завѣщанія, ты, какъ сынъ ея двоюроднаго брата, ничего не получишь; маркиза же хочетъ, чтобы всѣ ея деньги достались тебѣ для возстановленія блеска вашей фамиліи и для того, чтобы никто не могъ сказать про твоего отца, что онъ бралъ въ долгъ, не имѣя чѣмъ отдать. Она обязуется заплатить всѣ его долги, выкупить имѣнія, доходами съ которыхъ, вѣроятно, пользуются кредиторы, и возвратить ихъ тебѣ. Однимъ словомъ, она желаетъ сдѣлать изъ тебя достойнаго представителя одной изъ старѣйшихъ фамилій Англіи. Главное условіе—твоя женитьба къ первому сентября; съ женою вернешься ты въ Англію провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Гартонкуртѣ, фамильномъ имѣніи маркизы... Ну, а не желаешь-ли ты выслушать мое мнѣніе?

— Да, дурного ты не посовѣтуешь.

— Я думаю только о томъ, какъ обязанъ дѣйствовать лордъ Кастертонъ для возстановленія имени, извѣстнаго въ исторіи; на этомъ имени тяготѣетъ пятно: послѣдній представитель его умеръ, не уплативъ деньги, взятыя имъ въ долгъ на пустое мотовство, и тѣмъ обманулъ людей, оказавшихъ ему довѣріе; стыдно и то, что, заложивъ свои имѣнія ростовщикамъ, онъ поставилъ своихъ фермеровъ въ зависимость отъ людей, стремящихся получить съ имѣній возможно болѣе. Я, не задумавшись, принесъ бы жертву для поправленія зла, будь мои дѣла въ такомъ положеніи и имя моего отца такъ запятнано.

Молча ходили они нѣсколько времени, наконецъ, Эдвинъ спросилъ:

— Сколько времени пробудетъ тетушка въ Висбаденѣ?

— Пока не получитъ твоего отвѣта. Ты долженъ быть женатъ къ 1-му сентября или вы разойдетесь навсегда.

— Для чего понадобилась ей моя женитьба? Она могла бы спасти память моего отца безъ всякихъ условій.

Сидней промолчалъ.

— Тебѣ, вѣроятно, извѣстна причина, заставляющая ее такъ дѣйствовать?

— Извѣстна. Во-первыхъ, твоя любовь къ графинѣ Мервиль, во-вторыхъ, твоя страсть къ кочующей жизни, въ третьихъ, она надѣется, что, женившись, ты сдѣлаешься серьезнымъ человѣкомъ. Однимъ словомъ, она смотритъ на твою женитьбу, какъ на средство сдѣлать изъ тебя полезнаго члена общества, не зараженнаго странными фантазіями.

— Все это еще легче объясняется ненавистью маркизы къ графинѣ; она готова пожертвовать всѣмъ состояніемъ, только бы причинить непріятность графинѣ. Да, тетушка добра съ друзьями, но жестока съ врагами.

— На что же ты рѣшаешься, Кастертонъ? спросилъ Сидней послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Развѣ маркиза поручила тебѣ переговорить со мною? спросилъ онъ.

— Да, но сверхъ того сама желаетъ говорить съ тобою.

— Постараюсь избавить и ее и себя отъ этого. Я не удержусь и опять наговорю ей много непріятнаго, въ чемъ потомъ буду раскаяваться. Она ненавидѣла мою мать, за то обожала отца; мнѣ же всегда показывала столько привязанности, что я потерялъ право говорить съ нею рѣзко. Будетъ гораздо лучше, если ты передашь ей мой отвѣтъ.

Эдвинъ тяжело вздохнулъ.

— Какой-же отвѣтъ? спросилъ Сидней.

— Я буду въ Гартонкуртѣ къ первому сентября съ женою. Бросимъ этотъ разговоръ, вотъ идетъ графиня, надо переговорить съ нею.

Пожавъ руку пріятелю, Кастертонъ направился къ группѣ, окружавшей графиню.

Сидней, направляясь къ другому выходу, наткнулся на мужчину, идущаго съ очень молоденькою дѣвушкою. Мужчина былъ малъ и невзрачень; Сидней едва обратилъ на него вниманіе, но за то его пріятно поразило привлекательное лицо дѣвушки. Одѣта она была просто, но богато. Сидней никакъ не могъ догадаться, откуда она родомъ, такъ какъ не понималъ языка, на которомъ она говорила. Старикъ, повидимому, никогда не бывалъ въ порядочномъ обществѣ, но манеры дѣвушки были полны граціи и достоинства.

V.

По срединѣ Вильгельмской улицы, доходящей до Театральной площади, стоялъ четырехъ-этажный домъ съ балконами, убранными цвѣтами. Этотъ домъ принадлежитъ французу, г. д'Орбо. Никто не зналъ достовѣрно, какимъ путемъ д'Орбо нажилъ капиталъ, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ очень богатъ. Домъ былъ роскошенъ, въ немъ давались блестящіе балы; д'Орбо былъ любезнымъ хозяиномъ, имѣлъ притомъ хорошенькую жену; ея гостиная наполнялась хорошенькими дѣвушками и знатными мужчинами,— чего же болѣе. Были люди, разсказывавшіе, что д'Орбо—уроженецъ Ліона, искатель приключеній, нажившій состояніе игрою и устройствомъ свадебъ, но этому вѣрили очень немногіе; хотя всѣ достостовѣрно знали, что, посѣщая нѣмецкія минеральныя воды, д'Орбо велъ игру и въ настоящее время былъ участникомъ въ висбаденской и баденъ-баденской рулеткѣ. Построивъ себѣ домъ въ Висбаденѣ, онъ женился на хорошенькой француженкѣ. Точно также не было ни для кого тайной, что д'Орбо до сихъ поръ занимался устройствомъ богатыхъ браковъ въ высшемъ кругу; некрасивыя, но богатыя дѣвушки, пріѣхавшія въ Висбаденъ для пріисканія мужей, могли быть увѣрены, что уѣдутъ обрученными, если за сватовство брался д'Орбо. Матери хорошенькихъ, но бѣдныхъ дочерей отправлялись въ Висбаденъ къ д'Орбо и, до окончанія сезона, дочери ихъ находили себѣ богатыхъ мужей.

Хозяинъ занималъ весь первый этажъ, остальные отдавались въ наемъ желающимъ платить дорого за квартиру.

Въ передъобѣденное время, когда всѣ напившись водъ и нагулявшись, отправились по домамъ отдыхать, за исключеніемъ игроковъ въ карты, д'Орбо сидѣлъ дома въ богато-убранномъ кабинетѣ и нетерпѣливо посматривалъ на часы. Пробило двѣнадцать; послышались шаги, лакей, приподнявъ портьеру, доложилъ:

— Лордъ Кастертонъ!

Эдвинъ вошелъ, небрежно кивнулъ низко кланявшемуся хозяину и сѣлъ.

— Я цѣлый часъ заставилъ васъ ждать себя, но никакъ не могъ прійдти раньше, сказалъ онъ.

— Вы дѣлаете большую честь, переступая порогъ моего дома, сказалъ вѣжливый хозяинъ.

— Вы никогда не видали бы меня въ своемъ домѣ, не вздумай я жениться. Вы должны указать мнѣ на подходящую дѣвушку.

— Я могу услужить вамъ, если...

— Позвольте, прервалъ Эдвинъ,—укажите на подходящую дѣвушку и вы получите хорошее вознагражденіе.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, удивляюсь только, какъ вы не нашли сами, а обратились ко мнѣ.

— Не теряйте по пусту время на удивленіе, лучше выслушайте меня. Мнѣ время дорого; я долженъ поспѣть на назначенное свиданіе къ двумъ часамъ... Я ищу дѣвушку 17, пожалуй, 18 лѣтъ, съ незапятнаннымъ именемъ и хорошаго поведенія; она можетъ быть не знатнаго рода,—только не француженку и не англичанку,—можетъ не имѣть состоянія.

— Неужели, сказалъ съ удивленіемъ д'Орбо, посмотрѣвъ на лорда. Онъ зналъ, что Кастертонъ раззоренъ.

КАРТ ЦЦО.

На в.

Рѣзалъ оттъ.

— Да, она можетъ имѣть такое же состояніе, какое имѣетъ лордъ Кастертонъ въ настоящее время. Въ тотъ день, когда священникъ благословитъ нашъ союзъ, я буду богатъ.

— Но дѣвушка должна быть хорошенькой? спросилъ д'Орбо.

— Только пріятною, чтобы не стыдно было представить леди Кастертонъ. Но это, впрочемъ, вопросъ второстепенный.

— Требованія ваши, милордъ, такъ малы, что я надѣюсь ихъ скоро исполнить. Вамъ нужны добродѣтель и молодость.

— Эти два качества необходимы, сказалъ, улыбаясь, Эдвинъ,—на-дняхъ я долженъ быть обрученъ, черезъ два мѣсяца женатъ.

— Сегодня же я могу представить вамъ у себя трехъ дамъ, соотвѣтствующихъ вашему требованію. Вамъ останется только сдѣлать выборъ.

— Къ чему эти представленія? сказалъ Эдвинъ, вздохнувъ,—лучше бы обойдтись безъ моего вмѣшательства. Я желалъ бы выступить на сцену только въ минуту составленія контракта.

— Но, милордъ...

— Вы удивляетесь! Ну, хорошо, я увижу этихъ дамъ, только не у васъ и не сегодня. Завтра идетъ Донъ-Жуанъ; устройте, чтобы эти дамы были въ театрѣ. Вы мнѣ ихъ тамъ покажете. Кстати, она должна быть образована. Прощайте, до завтра въ театрѣ, сказалъ Эдвинъ, подходя къ двери.

— Еще одно слово, милордъ. Если у дѣвушки окажется состояніе...

— Для чего этотъ вопросъ? спросилъ Эдвинъ.

— Видите, у меня остановилась милая, образованная дѣвушка, дочь купца, желающая получить знатное имя. Отецъ болѣзненный человѣкъ, мать давно умерла, родственниковъ нѣтъ; она стремится попасть въ знать. Отецъ, объяснявшійся со мной, очень спѣшитъ свадьбой, такъ какъ доктора сказали ему, что онъ скоро умретъ.

— Значитъ, эта дѣвушка рѣшается выйдти замужъ безъ любви, ради одного имени.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ партія подходящая; намъ не въ чемъ будетъ упрекать другъ друга. Она можетъ удержать золото при себѣ, отъ меня же получитъ имя. Съ удовольствіемъ посмотрю на нее. Какой она націи?

— Шведка.

— Завтра посмотрю; если понравится, вы представите меня.

Эдвинъ ушелъ, небрежно поклонившись.

Въ слѣдующій вечеръ театральная зала была наполнена публикой. Эдвинъ тоже былъ въ театрѣ. Онъ разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ; кто-то, дотронувшись до его плеча, заставилъ его вздрогнуть.

— Во второй ложѣ на лѣво, прошепталъ д'Орбо и тотчасъ же отошелъ отъ Кастертона.

Эдвинъ направилъ туда бинокль. Въ ложѣ сидѣли: маленькій, горбатый, худой мужчина съ желтовато-блѣднымъ лицомъ и молодая, стройная, цвѣтущая дѣвушка, напоминающая майское утро. Выраженіе невинности и цѣломудрія придавали ей что-то особенно привлекательное.

«Она очень мила и, кажется, недурно себя держитъ, подумалъ Эдвинъ, долго смотря на нее.— Жаль, что это хорошенькое дитя имѣетъ такое черствое сердце: у нея тщеславіе и высокомѣріе играютъ первую роль. Но вѣдь и я женюсь только для того, чтобы возвратить блескъ своей фамиліи; развѣ это не тоже тщеславіе и высокомѣріе?»

Во второмъ антрактѣ д'Орбо представилъ Эдвина г. и дѣвицѣ Бромеръ. Д'Орбо, имѣвшій въ этотъ вечеръ много дѣлъ, вскорѣ ушелъ.

Бромеръ плохо выражался по французски, дочь же его свободно владѣла какъ французскимъ, такъ и англійскимъ языками. Пробывъ въ ложѣ во все время антракта, Эдвинъ сказалъ, обратясь къ Бромеру:

— Не примете-ли вы участіе въ завтрашней прогулкѣ верхомъ, устраиваемой г-жею д'Орбо. Мнѣ будетъ очень пріятно, если вы позволите мнѣ быть вашимъ кавалеромъ и прислать вамъ лошадь, прибавилъ онъ, обратясь къ Эльвирѣ.

Бромеръ отказался, но принялъ предложеніе отъ имени дочери.

Покончивъ это дѣло, Эдвинъ отправился отыскивать Сиднея, желая предложить ему участвовать въ прогулкѣ, но въ гостинницѣ узналъ, что Сидней уѣхалъ утромъ провожать маркизу Бризье въ Коблецнъ.

На слѣдующее утро нѣсколько паръ проскакали по Висбадену; сзади ѣхали Эльвира съ Эдвиномъ, ведя самый обыденный разговоръ; Эльвира провела время весело и нашла Эдвина пріятнымъ.

Прогулка вполнѣ удалась. Судьба многихъ дѣвушекъ рѣшилась въ это утро; при наступленіи вечера всѣ заговорили о возвращеніи домой; Эдвинъ, ѣхавшій молча около Эльвиры, внезапно спросилъ ее:

— Говорилъ вамъ д'Орбо, почему я пожелалъ познакомиться съ вами.

Эдвинъ пристально смотрѣлъ на Эльвиру, сильно покраснѣвшую. Она не знала, сознаться ей въ истинѣ или нѣтъ, но была слишкомъ правдива, чтобы солгать.

— Да, г. д'Орбо говорилъ мнѣ о васъ.

— Благодарю за этотъ отвѣтъ; онъ доказываетъ вашу честность. Надѣюсь, вы также правдиво отвѣтите на второй вопросъ: согласитесь-ли вы довѣрить мнѣ вашу будущность, перемѣнить свое имя на мое и отдать мнѣ вашу руку? Однимъ словомъ, согласны-ли вы быть моей женою?

— Я знакома съ вами всего нѣсколько часовъ, милордъ, прошептала Эльвира.

— Развѣ вы надѣетесь лучше узнать меня черезъ два мѣсяца? спросилъ Эдвинъ.

— Да, надѣюсь, прошептала она.

— Ошибаетесь. Черезъ годъ вы также мало будете знакомы съ моими недостатками, какъ и теперь. Мнѣ необходимъ вашъ отвѣтъ сегодня или мы должны разойдтись. Черезъ два дня меня не будетъ въ Висбаденѣ.

Взволнованная Эльвира молчала, не зная, что отвѣтить.

— Чѣмъ объяснить ваше молчаніе, продолжалъ Эдвинъ,—скажите: да или нѣтъ. Получивъ отказъ, я могу уѣхать безъ горечи, потому и прошу васъ рѣшиться сегодня. Женитьба—игра случая; выигрышъ и проигрышъ вполнѣ зависятъ отъ судьбы.

— Не знаю, правы вы или нѣтъ, сказала Эльвира,—но два дня кажутся мнѣ необходимыми для размышленія.

— Откажите мнѣ, если они вамъ необходимы. Скажите прямо: нѣтъ.

— Но я и не думаю говорить «нѣтъ», милордъ, невольно сказала Эльвира и сильно покраснѣла отъ стыда.

— Неужели слово «да» такъ трудно выговорить? улыбаясь спросилъ Эдвинъ.

— Нѣтъ, я чувствую необыкновенную робость и желаніе посовѣтоваться съ отцомъ, прошептала Эльвира.—Завтра утромъ вы получите отвѣтъ.

— Я буду ждать вашего отвѣта у источника, сказалъ Эдвинъ.

Пустивъ лошадь въ галопъ, Эльвира поѣхала рядомъ съ г-жею д'Орбо.

На другое утро Эдвинъ ошибся, ожидая встрѣчи съ Эльвирою; къ нему подошла г-жа д'Орбо и передала пакетъ.

— Эльвира Бромеръ просила передать вамъ эту записку, сказала она.

Эдвинъ вполнѣ понялъ значеніе простого «да», заключавшагося въ запискѣ. Потомъ онъ пошелъ къ графинѣ Мурвиль, съ которою долго разговаривалъ.

— Я, можетъ быть, умру съ горя, мой другъ, сказала графиня, прощаясь съ нимъ, но не стану отговаривать васъ отъ принятаго рѣшенія. Будьте счастливы, постарайтесь забыть меня.

— Позвольте мнѣ еще разъ проститься съ вами до отъѣзда, сказалъ Эдвинъ, пожимая ея маленькую руку.

— Къ чему! Наши дороги расходятся; миновалъ прекрасный сонъ.

Красивая француженка быстро исчезла.

Медленно пошелъ Эдвинъ и долго гулялъ, не рѣшаясь такимъ взволнованнымъ идти къ Бромеру дѣлать предложеніе.

Пробывъ у Бромеровъ около часа, Эдвинъ простился съ ними, такъ какъ намѣревался уѣхать на другой день рано утромъ. Онъ уговорился встрѣтиться съ Эльвирой, по окончаніи сезона, въ Копенгагенѣ и тамъ обвѣнчаться съ нею. Планъ этотъ, какъ и самое сватовство, по желанію лорда, рѣшили держать въ секретѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Висбадена, Эдвинъ написалъ Сиднею Лембурну письмо слѣдующаго содержанія:

«Любезный другъ, сообщи маркизѣ, что выборъ сдѣланъ; надѣюсь къ назначенному времени пріѣхать въ Гартонкуртъ съ молодой женою. Маркиза должна быть довольна принесенною мною жертвою; ею я искупаю всѣ страданія, перенесенныя маркизою, по милости моей матери. Будущее рѣшитъ, буду-ли я счастливъ, исполняя ея требованіе. Для поддержанія родового имени, я принужденъ жертвовать своимъ человѣческимъ достоинствомъ и чувствомъ любви. Всему виною наши дикія понятія о правѣ. Асмодей долженъ радоваться своей побѣдѣ; онъ знаетъ, что аристократы болѣе всего въ мірѣ боятся бѣдности, и соблазняетъ ихъ золотомъ. Одну только выгоду пріобрѣтаю при исполненіи требованія маркизы,— это установленіе во мнѣ серьезнаго взгляда на жизнь. Получивъ въ подарокъ отъ маркизы большое состояніе, я постараюсь добиться славы, постараюсь достойно служить своей странѣ. Я отправляюсь въ Англію и буду ожидать приказаній маркизы. Надѣюсь встрѣтиться съ тобою въ Гартонкуртѣ, гдѣ ты познакомишься съ женою твоего искренняго друга

Эдвина Кастертона».

Проводивъ маркизу, Сидней вернулся въ Висбаденъ; первою заботою его было отыскать обладательницу прелестнаго личика, столь сильно поразившаго его. Проискавъ напрасно цѣлый день красавицу, Сидней, вечеромъ, вошелъ въ игорную залу. Проигравъ нѣсколько гульденовъ и направляясь къ выходной двери, онъ увидалъ богато одѣтую женщину, рѣдкой красоты, идущую подъ руку съ красивымъ молодымъ человѣкомъ. Хорошенькая пара подошла къ рулеткѣ; дама сѣла къ столу, спутникъ всталъ за ея стуломъ. Сидней съ любопытствомъ слѣдилъ за перемѣнами ея лица во время игры, она играла со страстью, бросая золото безъ разбора и съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидала исхода. Въ это время вошло трое новыхъ лицъ: старикъ, молодая дѣвушка и д'Орбо; они остановились почти около Сиднея. Старикъ, пробравшись къ столу, равнодушно бросилъ на столъ два золотыхъ и сказалъ дѣвушкѣ:

— Подойди ближе, Эльвира, посмотри какъ время и деньги тратятся попусту.

Эльвира съ любопытствомъ слѣдила за игрой. Поставивъ на нечетъ, Бромеръ выигралъ нѣсколько разъ; по мѣрѣ выигрыша, лицо его оживлялось; Эльвира, стоявшая, облокотясь на руку отца, замѣтила въ немъ нервное дрожаніе; она испугалась, взглянувъ на него, такъ страшно измѣнилось его лицо; глаза горѣли, губы дрожали, рука его судорожно хватала выигрышъ. Испу-

ганная Эльвира прошептала, дернувъ его за рукавъ:

— Пойдемъ, папа, я уже насмотрѣлась!

Бромеръ, ничего не слыша, старался освободить свою руку. Видя, что ея настоянія напрасны, Эльвира обратилась къ д'Орбо.

— Г. д'Орбо, сказала она,—постарайтесь увести отсюда отца; доктора строго запретили ему волноваться.

Она говорила тихо, но съ такимъ страхомъ, что Сидней невольно обратилъ на нее вниманіе и узналъ въ ней особу, которую напрасно искалъ цѣлый день.

Д'Орбо прошепталъ Бромеру нѣсколько словъ на ухо, но послѣдній казался глухъ ко всему.

— Ради Бога, уведите отсюда отца, просила Эльвира,—у него опять будетъ нервный припадокъ!

Сидней поспѣшилъ къ ней на помощь.

— Вашей дочери дурно, сказалъ онъ Бромеру, тронувъ его за плечо.

Бромеръ мгновенно пришелъ въ себя; смертельная блѣдность Эльвиры поразила его; лицо его искривилось, на губахъ показалась пѣна и онъ упалъ въ судорожныхъ конвульсіяхъ.

Сидней тотчасъ же распорядился, чтобы больного поскорѣе вынесли, такъ какъ масса любопытныхъ окружила его; въ числѣ этихъ любопытныхъ былъ также спутникъ красивой дамы, который, бросивъ взглядъ на больного, немедленно отошелъ.

— Кто упалъ безъ чувствъ? спросила дама, не отрывая глазъ отъ игры.

— Съ однимъ старикомъ сдѣлались конвульсіи.

— Кто онъ такой?

— Шведъ, нашъ соотечественникъ, Бромеръ.

Дама внезапно обернулась, мрачно посмотрѣла на своего спутника и сказала:

— Должно быть отецъ той Эльвиры, ростовщикъ, закладчикъ. Тутъ по крайней мѣрѣ я надѣялась избавиться отъ встрѣчи съ этою дрянью.

Глубоко взволнованная Эльвира, проходя мимо, слышала эти слова и узнала Марту, но не обратила вниманія на молодого человѣка.

Бромеръ, принужденный лежать въ постели послѣ этого обморока, напрасно убѣждалъ Эльвиру погулять съ г-жею д'Орбо; она вышла тогда, когда ея отцу позволили выйти для питья водъ.

Сидней, совершенно неожиданно познакомившійся съ Бромерами, навѣщалъ больного каждый день. Эльвира, исполнявшая обязанность сидѣлки, показалась ему еще привлекательнѣе; она забывала себя, думая только какъ бы развлечь отца и заставить его забыть страданія.

Въ день первой прогулки Бромера, Сидней встрѣтился съ Эльвирой въ саду.

— Я вполнѣ счастлива сегодня, сказала она.— Папа совсѣмъ поправился и можетъ гулять.

Сидней сдѣлался постояннымъ кавалеромъ Эльвиры. Однажды, возвращаясь изъ библіотеки, Эльвира, Сидней и г-жа д'Орбо прошли черезъ игорную залу. Марта сидѣла у игорнаго стола, за ея стуломъ стоялъ тотъ же молодой человѣкъ. Эльвира, нечаянно взглянувъ на него, поразилась до того, что остановилась, какъ вкопанная; онъ также съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и низко поклонился ей.

— Миссъ Бромеръ, извините за нескромный вопросъ, спросилъ Сидней, — кто этотъ молодой человѣкъ?

— Соотечественникъ, фамилія его Брогренъ, отвѣчала Эльвира.

— Хорошенькая дама, вѣроятно, его жена?

— Не знаю; знаю только, что она дочь полковника Стангенскіольда.

— Они недавно обручены, вмѣшалась г-жа д'Орбо.—Она знатна и богата; онъ, не имѣя ни знатности, ни богатства, съумѣлъ, однакожь, добиться ея руки. Полковница Стангенскіольдъ, очень болѣзненная женщина, пріѣхала сюда, надѣясь на выздоровленіе, но кажется ошиблась.

Эльвира испытывала теперь непріятное чувство; ей припомнились слова Марты, сказанныя въ тотъ вечеръ, когда Бромеру сдѣлалось дурно: «Тутъ по крайней мѣрѣ я надѣялась избавиться отъ встрѣчи съ этой дрянью».

Она гораздо болѣе страдала отъ оскорбленной гордости и тщеславія, чѣмъ отъ мысли о бракѣ Карла съ Мартой. Эльвира утѣшала себя тѣмъ, что скоро будетъ стоять гораздо выше Марты и этимъ возбудитъ ея зависть. При мысли, что сэръ Сидней Лембургъ постоянно проводитъ время съ нею, она испытывала ребяческую радость, надѣясь, что Мартѣ покажется обиднымъ его вниманіе къ ненавистной ей женщинѣ.

Время, проведенное въ разговорахъ съ Лембурномъ, замѣтно развило умъ Эльвиры. Убѣжденія этого честнаго человѣка незамѣтно прививались къ ней. Сидней съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдилъ за ея развитіемъ, видя, какое вліяніе имѣетъ онъ на эту молоденькую дѣвушку. «Хорошая она дѣвушка, думалъ онъ,—и можетъ сдѣлаться прекрасной женой. Что же можетъ помѣшать мнѣ сдѣлать ей предложеніе, если только она любитъ меня».

Въ высшихъ кругахъ Лондона и Парижа Сидней прослылъ за человѣка рѣдкихъ качествъ, но безсердечнаго. Славу безсердечности Сидней пріобрѣлъ потому, что всегда управлялъ своими чувствами; онъ не терпѣлъ мимолетныхъ привязанностей и избѣгалъ ихъ.

— Животное, а не человѣкъ можетъ позволить чувствамъ управлять собою, говорилъ онъ обыкновенно, — послѣдній тѣмъ только и отличается отъ перваго, что разумомъ можетъ отклонить дурныя желанія.

Таковъ былъ человѣкъ, серьезно полюбившій Эльвиру. Если бы она познакомилась съ нимъ вскорѣ послѣ разрыва съ Карломъ, она легко могла бы забыть свое стремленіе къ знатности; теперь же она жаждала высокаго положенія въ обществѣ. Бромеръ пріѣхалъ въ Висбаденъ лечиться, но также и въ надеждѣ осуществить желаніе Эльвиры. Онъ обратился къ д'Орбо, который обѣщалъ живо обдѣлать дѣло; они были уже давно знакомы.

Эльвиру теперь нерѣдко безпокоила мысль о предстоящемъ замужествѣ, но женское тщеславіе и самолюбіе всегда одерживали верхъ. Часто во время разговора съ Сиднеемъ, Эльвира чувствовала непреодолимое желаніе разсказать ему о предстоящемъ бракѣ своемъ съ лордомъ Кастертономъ и спросить его, не слишкомъ-ли опрометчиво она поступила, но ее всегда удерживало обѣщаніе, данное Эдвину, сохранить тайну. Иногда она утѣшала себя, что все пойдетъ хорошо, только бы ей выйти замужъ; она поселится въ Англіи, будетъ часто видѣться съ Сиднеемъ, который согласится быть ея другомъ и давать ей совѣты. «Быть хорошей женой нетрудно, надо только захотѣть», думала она.

Иногда она воображала Эдвина страстно влюбленнымъ въ нее и это предположеніе дѣлало ее счастливой: не даромъ читала она въ романахъ, что страстная любовь доставляетъ высокое блаженство. Всякая семнадцатилѣтняя хорошенькая дѣвушка увѣрена, что можетъ внушить любовь!

Эльвира не замѣчала любви къ ней Сиднея, всѣ ея мысли были заняты будущимъ мужемъ, на него же она смотрѣла, какъ на друга и брата.

(Продолженіе будетъ.)

150-лѣтній юбилей Моисея Мендельсона.

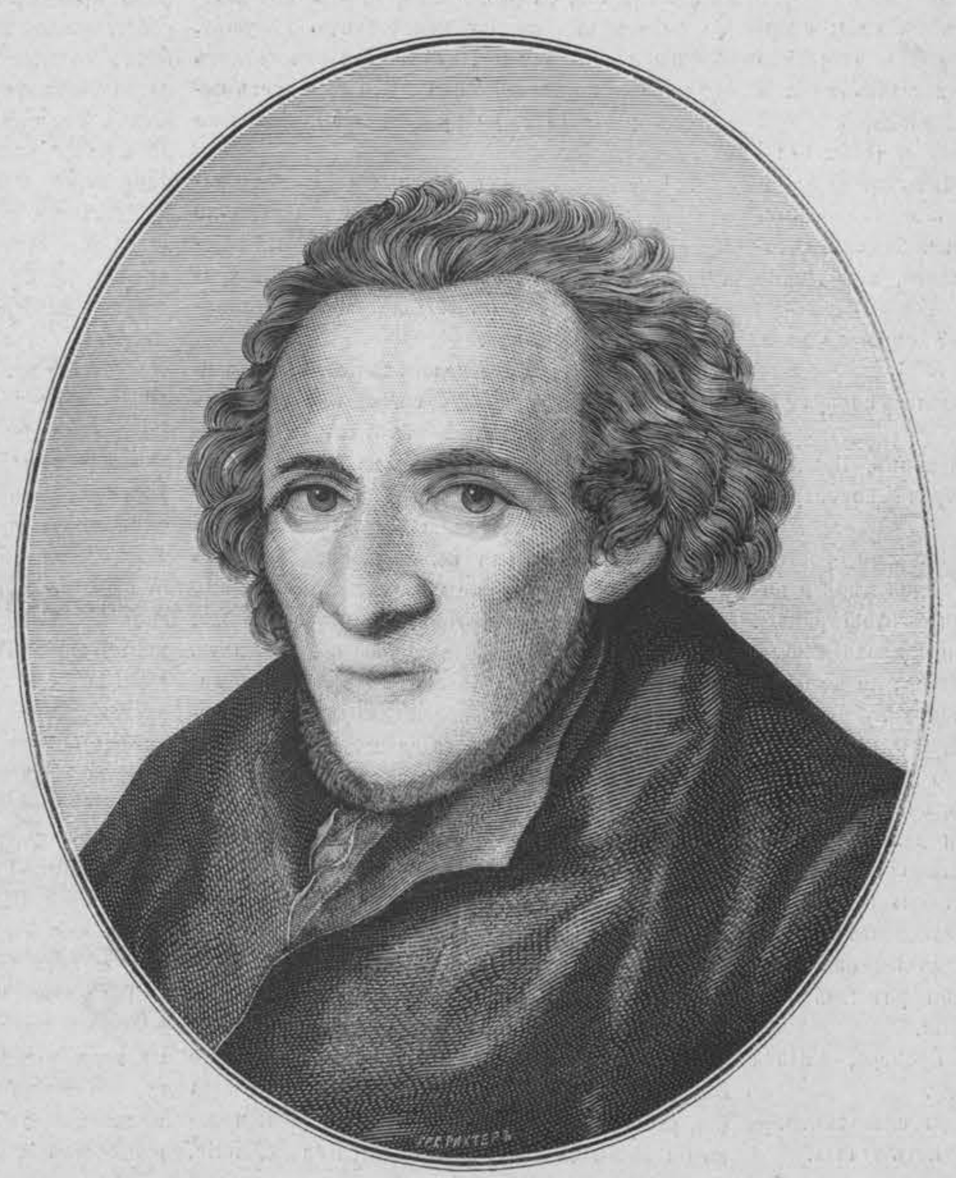
Въ обществѣ встрѣчается немного такихъ знаменитостей, личный характеръ которыхъ стоялъ бы на достойномъ уровнѣ съ ихъ талантомъ или гражданскими заслугами. Моисей Мендельсонъ принадлежитъ къ числу подобныхъ счастливыхъ исключеній. Онъ удостоился еще при жизни своей названія «нѣмецкаго Сократа» отъ своихъ современниковъ и послужилъ Лессингу образцомъ для его безсмертнаго «Натана». И безпристрастное потомство чтитъ, не менѣе, чѣмъ самого Лессинга, и какъ одного изъ благороднѣйшихъ поборниковъ просвѣщенія, этого человѣка, котораго даже сами противники его приравнивали къ Сократу или Спинозѣ по чистотѣ его жизни, неуклонно согласной съ его ученіемъ.

6 сентября текущаго года исполнилось 150 лѣтъ со дня рожденія великаго еврейскаго философа, книга котораго о безсмертіи души сохранила свое достоинство даже и по настоящее время. Моисей Мендельсонъ родился въ Дессау; отецъ его, жалкій писецъ при мѣстной синагогѣ, поручилъ образованіе своего сына друзьямъ, которые наставили его въ еврейской грамотѣ и знаніи Ветхаго завѣта и Талмуда. Изученіе псалмовъ пробудило въ мальчикѣ наклонность къ собственнымъ поэтическимъ попыткамъ, но особенно сильное впечатлѣніе произвела на него книга Маймона († 1204) «Руководитель заблудшихъ». Это сочиненіе, то самое, которое за сто лѣтъ ранѣе, указало путь къ философскому источнику еврею Спинозѣ, породило и въ умѣ юноши Мендельсона стремленіе къ философскому анализу. Но неутомимая умственная работа при крайне скудномъ физическомъ питаніи отозвалась пагубно на отроческихъ силахъ. Моисей заболѣлъ опасною нервною болѣзнью, послѣдствіемъ которой было искривленіе позвоночнаго столба и общее постоянное разслабленіе организма. Не смотря на это, мальчикъ продолжалъ учиться. Когда ему исполнилось тринадцать лѣтъ (возрастъ, съ котораго еврейскій мальчикъ того времени получалъ «благословеніе» на дальнѣйшее самообразованіе и поддержаніе себя въ жизни) онъ отправился съ своимъ наставникомъ въ Берлинъ (въ 1745 г.) для усовершенствованія себя въ наукахъ. Терпя голодъ и холодъ, Мендельсонъ прожилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, старательно изучая математику, новые и древніе языки. Онъ учился одновременно латинскому языку и критикѣ по «Изслѣдованіямъ о человѣческомъ разумѣ» Локка, потомъ принялся за Лейбница и Вольфа; наконецъ, выучась немного по англійски у еврея-врача Гумперца, онъ прочелъ свободномыслителей Шефтсбери и Гутчисона. Въ тоже время онъ старательно ознакомился съ новѣйшею нѣмецкою литературою того времени.

Такъ жилъ неутомимый труженикъ, терпя всяческую нужду и не зная никакихъ развлеченій, не видя ничего радостнаго въ будущемъ, пока судьба не улыбнулась ему, сведя его съ богатымъ шелковымъ фабрикантомъ Бернгардомъ, который пригласилъ сначала Мендельсона къ себѣ въ домъ въ качествѣ наставника для дѣтей, а потомъ, замѣтивъ, что молодой человѣкъ обладалъ тоже весьма разнообразными комерческими познаніями, сдѣлалъ его фабричнымъ надсмотрщикомъ, вслѣдъ за тѣмъ бухгалтеромъ и, наконецъ, управляющимъ самой фабрикой. Такое положеніе совершенно обезпечивало Мендельсона въ матеріяльномъ отношеніи, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, лишало его всякой возможности заниматься прежними научными трудами.

Въ 1754 году Мендельсонъ познакомился съ Лессингомъ, которому былъ представленъ, впрочемъ, лишь въ качествѣ отличнаго шахматнаго игрока. Но эта случайная встрѣча послужила основаніемъ той прочной дружбы, которая связала на всю жизнь этихъ двухъ замѣчательныхъ людей и имѣла такое сильное вліяніе на ихъ обоюдное развитіе. Черезъ посредство Лессинга, Мендельсонъ сошелся тоже съ Абтомъ и Николаи, и сближеніе съ этими лицами усилило въ немъ еще болѣе жажду познанія. «Я выслу-

ПОРТРЕТЫ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Мендельсонъ.
Рѣзалъ на деревѣ **Рихтеръ** въ Петербургѣ.

шиваю въ день столько праздной болтовни, писалъ онъ однажды,—вижу и самъ совершаю столько безсмысленныхъ, утомляющихъ и притупляющихъ дѣлъ, что не могу не считать значительной благостынею, для себя вечернюю бесѣду съ существами, любящими разумѣніе...» На литературное поприще Мендельсонъ выступилъ по иниціативѣ Лессинга. Въ 1775 г. Мендельсонъ далъ ему для просмотра свои «Философскія бесѣды»; Лессингъ тайно напечаталъ ихъ и вручилъ изумленному автору книгу. Въ этомъ сочиненіи 25-лѣтній Мендельсонъ отстаивалъ оптимизмъ Лейбница противъ «Кандида» Вольтера и сохранилъ этотъ взглядъ втеченіи всей своей жизни. Въ томъ же году онъ издалъ свои «Письма объ ощущеніяхъ», замѣчательныя по мѣткости наблюденій надъ тѣмъ, что мы называемъ удовольствіемъ, нерасположеніемъ, совершенствомъ и красотой. Но форма этого сочиненія была еще замѣчательнѣе его содержанія. Нѣмецкая проза тѣхъ временъ, въ особенности научная, была до крайности неуклюжа и лишена всякой занимательности. Мендельсонъ сдѣлалъ первую попытку къ изящному и популярному изложенію научныхъ мыслей. Такой опытъ вполнѣ согласовался съ его душевными стремленіями; его постоянною мечтою было распространить просвѣщеніе, гуманность и благосостояніе повсюду... Даже въ самыхъ первыхъ сочиненіяхъ Мендельсона замѣчается уже такая ясность и глубина мыслей, при чистотѣ языка и легкости изложенія, что его слѣдуетъ причислить къ лучшимъ прозаикамъ до-гетевскаго періода, и къ лучшимъ философскимъ писателямъ вообще. Написавъ, въ сотрудничествѣ съ Лессингомъ, конкурсное сочиненіе «Попе, какъ метафизикъ» (1755), причемъ оба друга отстаивали значеніе метафизики, Мендельсонъ сталъ сотрудникомъ Николаи въ его «Библіотекѣ прекрасныхъ знаній», но скоро посвятилъ себя исключительно философскимъ наукамъ. Въ 1768 г., онъ получилъ первую академическую премію въ Берлинѣ за свой трудъ: «Объ очевидностяхъ въ метафизическихъ знаніяхъ», между тѣмъ, какъ Кантъ былъ удостоенъ лишь похвальнаго отзыва (acessit). Вслѣдствіе этого, академія избрала Мендельсона единогласно своимъ членомъ въ 1778 г. Но король-философъ Фридрихъ II вычеркнулъ имя еврея изъ академическаго списка, не давъ никакого на то поясненія. Въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, удостоенномъ академической награды, Мендельсонъ признаетъ за метафизикой точность, равносильную математической, хотя соглашается въ томъ, что математика обладаетъ большею очевидностью доказательствъ. Какъ истый мудрецъ XVIII вѣка, онъ приписываетъ высшій авторитетъ, даже «непогрѣшимость» одному здравому человѣческому разуму (gesunder Menschenverstand); то, до чего разсудочность (Vernunft) добирается шагъ за шагомъ, схватывается разумомъ налету; вслѣдствіе этого, разсудочность должна руководствоваться разумомъ. Авторъ доходитъ даже до того, что утверждаетъ: все, что было бы способно доставить общему человѣческому роду утѣшеніе или выгоду, если бы оно было дѣйствительно, потому самому уже пользуется большой вѣроятностью бытія. При такомъ положеніи, основанномъ на практическомъ интересѣ, становилась, конечно, возможною защита всякаго суевѣрія.

Изъ сказаннаго ясно и пристрастіе Мендельсона къ Сократу. Сократъ олицетворялъ для него идеалъ философа, героя добродѣтели и учителя чистой религіи разума, павшаго жертвою соединенной вражды жрецовъ и софистовъ. Въ своемъ наиболѣе знаменитомъ сочиненіи «Федонъ», Мендельсонъ воздвигъ вѣчный памятникъ своему любимому мудрецу. Раздѣляя взгляды своихъ современниковъ, Мендельсонъ считалъ безсмертіе души краеугольнымъ камнемъ всего міросозерцанія. «Безъ Бога, провидѣнія и безсмертія, проповѣдуетъ онъ,—всѣ жизненныя блага имѣютъ въ моихъ глазахъ лишь презрѣнную цѣну, и вся наша жизнь, — если позволительно примѣнить здѣсь метафору, которою уже слишкомъ злоупотребляли,—походитъ на странствіе среди бури и непогоды, безъ всякой надежды на конечное отдохновеніе подъ какимъ-нибудь кровомъ; или, какъ выражается Вольтеръ, безъ подобнаго утѣшенія въ будущемъ, мы всѣ плаваемъ въ волнахъ и боремся съ ними, безъ надежды на достиженіе берега... Отнимите Бога, провидѣніе и вѣру въ будущую жизнь, — и любовь къ ближнему окажется одною прирожденною слабостью, доброжелательство будетъ однимъ дурачествомъ, которое мы навязываемъ другъ другу, съ тѣмъ, чтобы глупые мучились, а умные играли въ доброту и потѣшались надъ ними!»

Изобразивъ въ своемъ «Федонѣ» вкратцѣ жизнь Сократа, Мендельсонъ обращается, взаключеніе, къ Платону, приводя древнія и новыя доказательства въ пользу безсмертія души. Главнѣйшія изъ нихъ: простота души, ея способность къ совершенствованію и разумности. Вообще міросозерцаніе Мендельсона основывается, главнымъ образомъ, на идеѣ совершенствованія, заимствованной имъ у Лейбница. Наша природа заставляетъ насъ стремиться къ совершенствованію, какъ и къ блаженству. Но то и другое кажется Мендельсону достижимымъ не иначе, какъ посредствомъ доставленія счастья другимъ. Исходя изъ этого положенія, Мендельсонъ проповѣдуетъ высокій принципъ: «Доводи внѣшнее и внутреннее благосостояніе твоего ближняго, какъ и твое собственное, до возможнаго совершенства!»

Несмотря на это, или, можетъ быть, именно въ силу этого взгляда, Мендельсонъ рѣшительно отвергъ настоятельныя убѣжденія Лафатера, старавшагося обратить его въ христіанство. Онъ, прославившійся своимъ «Федономъ» до такой степени, что всѣ замѣчательныя лица, пріѣзжавшія въ Берлинъ, считали своимъ долгомъ поклониться ему, занимался редакціей обрядныхъ еврейскихъ руководствъ и переводомъ пятикнижія и псалмовъ. Но, главнѣйшимъ образомъ онъ былъ занятъ своимъ знаменитымъ сочиненіемъ: «Іерусалимъ или религіозная сила іудеизма; направленнымъ противъ одного проповѣдника, отличавшагося особой нетерпимостью. Какъ передовой боецъ гуманности, Мендельсонъ проводитъ въ своей книгѣ ту мысль, что ни одна церковь не имѣетъ права на исключительное господство, и правительства могутъ подвергать опалѣ лишь атеистовъ, какъ общеопасныхъ лицъ. «Держитесь извѣстнаго закона», говоритъ онъ, «но не награждайте и не карайте никакихъ вѣроученій, не дозволяйте никому въ государствѣ становиться заправителемъ мыслей и сердецъ!»—Въ отношеніи формы, еще совершеннѣе его сочиненіе «Утреннія часы» (1785), состоящее изъ поученій, читанныхъ имъ его сыну и зятю и касающихся различныхъ философскихъ вопросовъ.

Мендельсонъ былъ вѣрнымъ другомъ Лессингу и эта привязанность была даже косвенною причиною его смерти. Возмущенный обвиненіями Якоби, который обвинялъ Лессинга въ томъ, что онъ умеръ Спинозистомъ, Мендельсонъ написалъ горячее оправданіе въ защиту своего друга. Онъ не щадилъ при этомъ своего потрясеннаго уже здоровья и скончался 4 января 1786 г., послѣ простуды, быстро принявшей опасный характеръ.

Мендельсонъ былъ малъ ростомъ, слабосиленъ, неправильно сложенъ, но онъ обладалъ живою, выразительною физіономіей. Его черные глаза смотрѣли умно и привѣтливо изъ-подъ выпуклаго лба. Патріархально-изящный въ своемъ домашнемъ быту, онъ представлялъ въ своемъ харак-

ВОЙНА АНГЛИЧАНЪ СЪ ЗУЛУСАМИ.

Зулусъ въ засадѣ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

терѣ чудную смѣсь скромности и свободомыслія, кротости и остроумной шутливости; эта тихая, полная просвѣщенная благочестія жизнь согрѣвалась лучами одной дружбы и любви, поэзіи и науки. Онъ возвысилъ своихъ единовѣрцовъ и способствовалъ ихъ допущенію къ гражданскимъ правамъ новѣйшаго государства; онъ былъ жизненный философъ, мудрецъ и учитель въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова и Раммеръ былъ вполнѣ правъ, написавъ подъ его бюстомъ: «Моисей Мендельсонъ, мудрый какъ Сократъ, вѣрный вѣрѣ своихъ предковъ, защитникъ безсмертія и стяжавшій себѣ право на него».

Мѣстничество. Одно изъ золъ старой Руси, мѣстничество, было явленіемъ крайне оригинальнымъ. Мѣстничались воеводы по полкамъ, по городамъ; мѣстничались головы у наряда (пушекъ); мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ. Примѣровъ вредныхъ слѣдствій мѣстничества и мѣръ, какія правительство принимало при непослушаніи, напримѣръ, воеводъ на войнѣ или пословъ при посольствѣ, не мало. Наказаніями за несправедливыя челобитья въ дѣлахъ мѣстничества были: выдача головою, выговоръ, присланный съ царскимъ гонцемъ, причемъ послѣдній бралъ прогоны съ виноватаго, битье батогами передъ Разрядною избою, заключеніе въ тюрьму на извѣстный срокъ, доправленіе безчестья деньгами и т. д. Уничтожилось мѣстничество только 12 января 1682 года, когда всѣ близкіе къ престолу люди порѣшили, чтобы «всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ», причемъ Разрядныя книги были сожжены. Оригинальный и притомъ очень удачный рисунокъ г. Земцова изображаетъ боярина, котораго силой тащутъ къ его противнику, которому онъ выданъ головою. Угрюмое лицо боярина, ведомаго къ врагу, и насмѣшливое выраженіе лица хозяина, стоящаго на крыльцѣ, переданы очень удачно. Обстановка и костюмы былыхъ временъ воспроизведены вѣрно и хорошо.

Въ маскарадѣ. О талантѣ Мадраццо—этого замѣчательнаго колориста, этого оригинальнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ испанскихъ художниковъ, — мы уже говорили подробно. Картина, копію съ которой мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, изображаетъ женщину въ маскарадномъ платьѣ—и только. Но техника, исполненіе этой картины вполнѣ достойны художника. Наша гравюра довольно удачно передаетъ мелочные детали картины.

Кромѣ этихъ двухъ картинъ читатели найдутъ въ нынѣшнемъ нумерѣ два рисунка къ «Народамъ Россіи» С. С. Шашкова, портретъ «Мендельсона» съ статьей о его жизни, «Зулуса въ засадѣ», о которомъ мы поговоримъ послѣ и «Австралійскую мумію» съ статьей въ смѣси.

Смѣсь.

— **Австралійская мумія.** (Рис. стр. 252). Эта далеко не красивая, но любопытная достопримѣчательность найдена въ раздвоенномъ стволѣ одного дерева въ Квинслендѣ, въ Австраліи, и находится теперь въ естественно-историческомъ музеѣ въ Брисбанѣ, небольшомъ городѣ въ этой отдаленной странѣ. Вниманіе зрителя, конечно, прежде всего останавливается на засушенной, крайне непріятной на видъ головѣ; ротъ широко открытъ и позволяетъ видѣть часть громадной челюсти. Губы толстыя, подбородокъ массивный, скулы выдающіяся, носъ приплюснутый. Руки, длинныя и угловатыя, подпираютъ обѣ щеки; ноги притянуты къ животу и положены одна на другую, лѣвая сверху. Вокругъ всего тѣла обмотана веревка, проходящая и поверхъ головы. По словамъ путешественниковъ, нѣкоторыя австралійскія туземныя племена держатся обычая хоронить своихъ мертвыхъ въ дуплахъ деревьевъ, придавая тѣламъ положеніе, подобное найденной муміи.

— **Г-жа Ниссенъ-Саломанъ.** Наша консерваторія лишилась одного изъ своихъ дѣятелей, г-жи Ниссенъ-Саломанъ, скончавшейся недавно заграницей. Она имѣла русскую медаль за усердіе, шведскую «Litteris et artibus», и была членомъ филармоническихъ обществъ въ Петербургѣ и Флоренціи, королевской академіи музыки въ Стокгольмѣ, членомъ общества св. Цециліи въ Римѣ и здѣшняго «Краснаго креста». Покойная родилась въ 1819 году въ Готенбургѣ и училась пѣнію у Мануэля Гарсія. Дебютировала она въ 1843 г. одновременно съ Гризи въ «Нормѣ», затѣмъ изображала Ирену въ «Велизаріѣ» Донницетти, Эльвиру въ «Донъ-Жуанѣ», и т. д. Затѣмъ она пѣла въ Италіи и Англіи, позднѣе же въ Германіи. Выйдя замужъ за г. Саломана она поѣхала съ нимъ въ Скандинавію и Россію. Въ 1860 г. здѣшняя консерваторія пригласила ее на вакантное преподавательское мѣсто. О преподавательской дѣятельности покойной нѣтъ необходимости распространяться. Достаточно сказать, что ея ученицами были слѣдующія пѣвицы: Лавровская, Бѣлоха, Левицкая, Крутикова, Каменская, Рабъ, Панаева и др.

— **Почтовыя правила.** Они изданы наднях почтовымъ департаментомъ, въ видахъ устраненія недоразумѣній въ публикѣ при подачѣ и пріемѣ кореспонденціи. Правила эти продаются во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ по 2 коп. за экземпляръ.

— **Нефтяной эфиръ.** «Рус. Пр.» сообщаетъ, что въ Петербургѣ ежегодно умираетъ до 6,000 человѣкъ отъ желудочно-кишечнаго катара; между тѣмъ, еще въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, англійскія газеты обратили вниманіе публики на радикальное средство противъ этой упорной болѣзни, состоящее въ принятіи во внутрь нефтянаго эфира въ формѣ капсюлей. Желательно было бы, чтобы компетентныя лица обратили вниманіе на этотъ новый способъ леченія желудочно-кишечнаго катара, уносящаго ежегодно столько жертвъ изъ столичнаго населенія.

— **Минеральный источникъ во дворѣ частнаго дома.** «Астр. Спр. Листокъ» сообщаетъ, что близь церкви Іоанна Златоуста, во дворѣ дома г. Полетаева, въ маѣ обнаруженъ, при вырытіи колодца, минеральный источникъ. Вода этого источника имѣетъ рѣзкій горькосоленый вкусъ и прибываетъ въ довольно значительномъ количествѣ. Цѣлебныя свойства ея, замѣченныя жителями Астрахани, побудили хозяина дома испросить себѣ право на продажу воды, которая уже и разрѣшена ему, такъ какъ источникъ оказался совершенно безвреднымъ и содержащимъ въ себѣ, главнымъ образомъ, глауберову соль, т. е. сѣрнокислый натръ. Въ настоящее время надъ колодцемъ построенъ навѣсъ и 30 августа источникъ освѣщонъ при многочисленномъ стеченіи народа, отъ котораго просто отбоя нѣтъ: толпы самаго разнообразнаго люда стоятъ у воротъ дома съ кувшинами, ведрами и бутылками и дожидаются очереди. Воды, разумѣется, не можетъ достать при такомъ усиленномъ спросѣ, но толпа терпѣливо ждетъ, ждетъ по цѣлымъ днямъ. Въ народѣ даже сложилась легенда по поводу этого источника: говорятъ, что Богъ, желая наказать астраханцовъ за ихъ грѣхи, «явилъ морскія воды къ самой Астрахани и воды эти, прорвавшись чрезъ источникъ, затопятъ весь городъ».

— **Сгущеніе нефти.** «Бак. Извѣстія» сообщаютъ, что недавно пріѣхалъ въ Баку нѣкто г. Талеръ, который, въ настоящее время, на одномъ изъ большихъ фотогеновыхъ заводовъ производитъ свои опыты сгущенія сырой нефти до мылообразнаго состоянія, съ помощью разныхъ химическихъ специй. Дѣло въ томъ, что требуется, для облегченія перевозки, получить нефть въ видѣ или формѣ, наиболѣе удобной для перевозки, т. е. въ твердой, и чтобъ потомъ изъ этой твердой массы получить снова жидкую нефть. Объ опытахъ Эмиля Мартенса въ этомъ направленіи было извѣстно еще въ 1877 году и Мартенсъ получилъ привилегію на этотъ предметъ. Онъ сгущаетъ нетолько сырую нефть, но и нефтяные остатки, и фотогенъ, для чего употребляетъ извѣстный въ техникѣ растительный корень Radix saponaria. Предпріятіе г. Талера, какъ видно изъ вышесказаннаго, не новое и онъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду упрощеніе или усовершенствованіе способовъ сгущенія нефти, извѣстныхъ уже въ наукѣ.

— **Засореніе пристани мусоромъ и падалью.** «Рус. Вѣд.» пишутъ: «Саратовская пристань настолько занесена пескомъ, что пароходы и суда съ трудомъ пристаютъ къ ней и, несмотря на то, что путь для нихъ точно обозначенъ днемъ—флагами и значками, ночью—бѣлыми и красными фонарями, они, при приближеніи къ городу, должны уменьшать свой ходъ. Глубина рѣки у пристани колеблется между шестью и девятью футами. Заносъ объясняютъ, съ одной стороны, дѣйствіемъ сильнаго волжскаго теченія, съ другой—накопленіемъ въ руслѣ громаднаго количества всякаго мусора и падали, изъ года въ годъ выбрасываемыхъ въ рѣку».

— **Интересный опытъ.** Особенное вниманіе нашихъ сельскихъ хозяевъ обратили на себя производившіеся въ началѣ сентября на поляхъ Сергіевскаго монастыря, близь Петербурга, опыты съ жатвенными машинами изобрѣтенія дворянина Флоріана Ив. Грубинскаго, построенными на механическомъ заводѣ Шольце, Ритчанъ и К°, въ Варшавѣ. Опыты эти привлекли массу публики, въ томъ числѣ многихъ владѣльцевъ имѣній изъ здѣшнихъ окрестностей. Результаты ихъ оказались вполнѣ удачными. Машина «Крестьянка», на одну лошадь, вѣсъ 10 пудовъ и предполагаемая цѣна сто рублей безъ доставки. Изобрѣтатель показывалъ лишь первый экземпляръ, сдѣланный для соисканія привилегіи. Это плодъ его многолѣтнихъ трудовъ, поглотившій большую сумму денегъ, тогда какъ другая машина «Варшавянка» уже прославилась и по 1881 годъ составляетъ собственность завода Шольце, гдѣ она и изготовляется подъ наблюденіемъ г. Грубинскаго. «Варшавянка» съ самодвижущимися граблями, на двѣ лошади, стоимостью 310 рублей. Она удостоена высшей награды на выставкѣ въ Филадельфіи, въ 1876 г., и серебряной медали и почетныхъ премій на земледѣльческихъ выставкахъ въ Германіи. Главныя отличительныя черты «Варшавянки», дающія ей преимущество передъ другими машинами: простота конструкціи, прочность и легкость на ходу.

— **Къ характеристикѣ президента французской республики.** На дняхъ президентъ французской республики Греви явился въ общество поземельнаго кредита для полученія акцій на которыя подписался, и сталъ терпѣливо «въ хвостъ» многочисленной публики. Когда другіе акціонеры узнали президента, то они всѣ хотѣли уступить ему мѣсто, но Греви не согласился и отвергъ предложеніе директора прислать ему акціи на домъ. Онъ дождался пока очередь дошла до него.

— **Растенія въ человѣческой крови.** Ухо человѣческое часто подвергается болѣзни, обнаруживающейся выдѣленіемъ изъ него сока; въ большинствѣ случаевъ ушная перепонка разрушается и слухъ теряется, прежде нежели удастся обнаружить причину болѣзненнаго явленія. Болѣзнь эта по новымъ медицинскимъ изслѣдованіямъ происходитъ отъ присутствія въ ухѣ микроскопическаго растенія или грибка изъ семейства Aspergellus. Чахотка, этотъ бичъ человѣчества, также развивается вслѣдствіе присутствія растенія, которое цвѣтетъ въ крови. Присутствіе этого грибка въ крови уже изслѣдовано и доказано микроскопическими наблюденіями и въ настоящее время тщательно изучается химиками. Доктору Эфроиму Котеру, благодаря его энергическимъ трудамъ, удалось недавно снять съ этого грибка микро-фотографическіе снимки; докторъ Джемсъ Салисбюре первый описалъ это интересное растеніе, зарождающееся въ крови.

— **Странный случай смерти.** (Отрывокъ изъ дневника М. Г. Б.). 10 октября 187... г., я получила письмо отъ Марьи Алексѣевны Петровой,

въ которомъ она проситъ меня пріѣхать къ ней и привезти племянницу ея, Вѣрочку, которая, подъ предлогомъ ученья, была отослана къ намъ, по случаю болѣзни ея матери. Александра Алексѣевна, мать Вѣры, хворавшая уже 2 мѣсяца, сама не пожелала, чтобы дочь ея находилась при ней во время болѣзни,—она видѣла, какъ дѣйствовали ея страданія на нервную Вѣрочку. «Сестрѣ Сашѣ хуже», писала Марья Алексѣевна, —«она очень скучаетъ и проситъ васъ съ Вѣрочкой навѣстить ее. Мамаша, сестра Люба и я, всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ васъ съ Вѣрой и надѣемся, что вы не откажете привезти ее къ матери, которая такъ сильно страдаетъ, что мы почти теряемъ надежду на ея выздоровленіе. Доктора здѣсь не достать...»

Черезъ 3 дня, въ 11 часовъ утра, мы выѣхали изъ города В., по направленію къ селу Х. Марья Алексѣевна вышла къ намъ на встрѣчу, со слезами на глазахъ, и привѣтствовала насъ шепотомъ, вѣроятно, находясь подъ впечатлѣніемъ тишины, которая всегда господствуетъ тамъ, гдѣ бываютъ больные. Вѣра первая вбѣжала въ комнаты; мы съ Марьей Алексѣевной послѣдовали за нею.

Марья Алексѣевна представила меня матери своей и младшей сестрѣ Любови Алексѣевнѣ, дѣвушкѣ лѣтъ 40. Я освѣдомилась о здоровьѣ Александры Алексѣевны.

— Гдѣ мама?.. въ какой комнатѣ?.. что, она ждала насъ? перебила меня Вѣрочка;—я къ ней пойду!

— Къ мамѣ нельзя идти, сказала ея бабушка, —она спитъ.

— Она теперь хорошо спитъ? припадки больше не мучаютъ ее?... давно-ли она заснула?

— Да, мама твоя спитъ давно, уже третьи сутки не просыпается, отвѣчала старушка.

— Мама умерла! закричала Вѣрочка и залилась слезами.

Тетки начали ее убѣждать, что мать ея спитъ, а не умерла.

— Какое спитъ! говорила, рыдая, Вѣрочка,— развѣ могу повѣрить я, что мама спитъ!.. третьи сутки не просыпается!.. это Волю *) уговорить вы можете, а не меня!..

Я отвела Марью Алексѣевну въ сторону, прося разсказать, что случилось съ больной, и узнала слѣдующее: Александра Алексѣева всегда была нервная и впечатлительная женщина; послѣдніе два года она была подвержена нервнымъ припадкамъ, чему не мало способствовало семейное горе и слѣдующія непріятности; послѣдніе же 3 мѣсяца она такъ сильно страдала, что лежала въ постели, безпрестанно мучимая припадками. Еще мѣсяцъ тому назадъ Александра Алексѣевна чувствовала себя гораздо лучше; нервные припадки дѣлались рѣже, такъ что она вставала съ постели и понемногу гуляла, но сильный испугъ снова уложилъ ее въ кровать; нѣсколько дней кряду, у нея повторялись обмороки и такъ часто, что число ихъ доходило до 70 въ день (мнѣ показалось это даже невѣроятнымъ). Такъ продолжалось дней 5 или 6. Затѣмъ припадки повторились съ такою силою, что у больной показывалась пѣна у рта и тѣло ея тряслось. Послѣ нѣсколькихъ припадковъ слѣдовалъ обыкновенно непродолжительный, но спокойный сонъ. Апетитъ у Александры Алексѣевны былъ отличный; одно время она даже страдала голодомъ — ѣла часто, много, не знала чѣмъ насытиться. Иногда потребность въ ѣдѣ являлась ночью и была до того сильна, что больная будила своихъ сестеръ, безпокоить которыхъ обыкновенно старалась какъ можно меньше. Въ послѣдніе дни у нея стали являться странныя желанія — то ей хотѣлось фруктовъ какихъ-нибудь, то лакомства; разъ попросила она глины; когда ей подали требуемое, она, попробовавъ, сказала, что это не вкусная глина, чтобы ей дали другую, болѣе красную; дали ей и болѣе красную и она съѣла ее съ жадностью. 3 дня тому назадъ Александра Алексѣевна позвала къ себѣ мать и сестеръ и сказала имъ, что ей приходилось читать описанія нервныхъ болѣзней, и помнитъ, что тамъ говорилось, будто бы иногда, послѣ сильныхъ страданій, бываетъ летаргическій сонъ: ей кажется, что и она испытаетъ этотъ сонъ. Она просила, если впадетъ въ летаргію, не плакать при ней, не считать ее за мертвую и не хоронить до тѣхъ поръ, пока на тѣлѣ не покажутся пятна. Потомъ просила, въ случаѣ ея смерти, не оставить дѣтей, особенно любимицу ея Вѣрочку. Сестры и мать совѣтовали ей заснуть, успокоиться и не думать о смерти. Она дѣйствительно заснула, но больше уже не просыпалась.

*) Воля—шестилѣтній братъ Вѣрочки.

— Какъ же она спитъ? спросила я:—въ летаргіи или обыкновеннымъ сномъ, дышетъ или нѣтъ?

— Мы и сами понять не можемъ, отвѣчала Марья Алексѣевна, — какъ назвать этотъ сонъ: ночью храпитъ, какъ здоровый человѣкъ, а днемъ тихо дышетъ,

— Пробовали вы ее будить?

— Да, пробовали, но разбудить невозможно. Мы пробовали ее двигать, перекладывали на другое мѣсто, но она, какъ будто мертвая, лежитъ безъ движенія—всѣ члены окоченѣли, такъ что насилу разогнули ей руку, которая была вначалѣ согнута.

— Тѣло теплое или холодное?

— Если закроемъ чѣмъ-нибудь, то — теплое, если откроемъ — похолодѣетъ.

— Сердце бьется сильно?

— Да вотъ не хотите-ли пройти въ ту половину, гдѣ спитъ Саша; вы на нее посмотрите сами.

Пройдя черезъ переднюю, мы вошли въ небольшую залу. Я спросила:

— Кто еще помѣщается въ этой половинѣ дома, кромѣ больной?

— Сначала мы поочереди дежурили, отвѣчала Марья Алексѣевна, — а теперь навѣщаемъ ее только впродолженіи дня.

Изъ залы мы вошли въ маленькую комнату съ перегородкой, за которой помѣщалась больная. Тамъ было такъ мало мѣста, что длина кровати приходилась въ упоръ между стѣнами. Александра Алексѣевна лежала неподвижно; руки ея были вытянуты вдоль тѣла, голова, положенная низко, лежала навзничь, лицо заплыло отъ долгаго сна. Дышала она тяжело; грудь ея высоко подымалась и слышалось хрипѣнье. Для доказательства, что она ничего не чувствуетъ Марья Алексѣевна начала сгибать ей руку. Рука съ трудомъ согнулась. Марья Алексѣевна и сестра ея нашли, что больная низко лежитъ, и, взявъ за плечи, потянули ее повыше на подушки. Александра Алексѣевна вдругъ сдѣлала движеніе плотно сжатыми губами и что-то прошептала. Мы всѣ вздрогнули. Постоявъ еще немного около постели и видя, что больная все въ томъ же положеніи, сестры попросили меня въ залу, гдѣ поданъ былъ чай.

Наступили сумерки и вскорѣ подали свѣчи. Всѣ мы усѣлись щипать корпію. Я разсказывала городскія новости, стараясь хоть немного развлечь всѣхъ, но всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Часовъ въ 9, поужинавъ, мы разошлись спать. Марья Алексѣевна спросила, не буду-ли я бояться спать одна, въ этой половинѣ дома, прибавивъ, что домъ не большой, — «бояться, впрочемъ, нечего». Не желая ихъ стѣснить, я сказала, что не буду бояться. Она простилась со мною и ушла.

Я скоро заснула, но спала безпокойно. Проснувшись отъ суматохи, происходившей въ сосѣдней комнатѣ, я увидѣла сквозь спущенную красную портьеру свѣтъ: мыли тѣло умершей.

— Отравленіе арбузомъ. «Пермскія Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что въ одномъ семействѣ была съѣдена часть арбуза, оставшагося отъ предъидущаго дня. Часа черезъ два послѣ употребленія этого арбуза началась у всѣхъ, отвѣдавшихъ его, сильная рвота. На другой день оказалось, что и слуга, съѣвшій уже поутру остатки того же арбуза, подвергся той же участи. Такимъ образомъ, не подлежало сомнѣнію, что упомянутыя болѣзненныя явленія были произведены арбузомъ. Вслѣдствіе этого, было обращено особое вниманіе на то мѣсто, въ которомъ сохранялся арбузъ, причемъ оказалось слѣдующее: половинка арбуза, оставшаяся послѣ обѣда перваго дня, была оставлена, втеченіи нѣсколькихъ часовъ, на окнѣ, на которомъ стояла также тарелка съ особою бумагой для отравленія мухъ. Употреблявшимъ подобную бумагу извѣстно, что мухи, отвѣдавъ воды, которою смачивается бумага, перемѣщаются, по большой части, на ближайшіе предметы и, находясь въ предсмертной агоніи, выпускаютъ изъ себя часть съѣденнаго вещества. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ данномъ случаѣ одна или нѣсколько мухъ перемѣстились съ ядовитой бумаги на разрѣзанный арбузъ и сообщили ему при этомъ содержащееся въ бумагѣ ядовитое вещество».

— Непригодное дорогое средство. Въ послѣднее время въ газетахъ печатались объявленія о продажѣ порошка г. Дюпюи для уничтоженія головни въ хлѣбахъ. Онъ изслѣдованъ былъ, какъ намъ сообщаютъ, на сельско-хозяйственной химической станціи при лѣсномъ институтѣ и оказался мало на что пригоднымъ. По словамъ «Рус. Пр.», порошокъ представляетъ смѣсь мѣднаго купороса съ желѣзнымъ, но примѣсь желѣзнаго оказывается совершенно безполезною. Вмѣсто фунта порошка Дюпюи, стоющаго 40 к., по мнѣнію г. Костычева, завѣдывающаго станціею, лучше взять просто 32 золотника мѣднаго купороса, стоющаго всего 4 или 5 коп.

— Синій ракъ. «Правда» сообщаетъ, что на главный одесскій рыбный рынокъ привезенъ пойманный въ Лиманѣ довольно крупный ракъ, совершенно синяго цвѣта. Рыбаки, между прочимъ, разсказываютъ, что уловъ раковъ былъ плохъ до тѣхъ поръ, пока они не поймали синяго рака, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ракъ этотъ былъ пойманъ, они нашли такое множество раковъ, что въ самое непродолжительное время наполнили свои возы. Ракъ этотъ отправляется въ университетъ къ профессору зоологіи.

— Коринфскій перешеекъ. Лессепсъ и ген. Тюръ съѣдутся въ Афинахъ, съ цѣлью приступить къ приготовленію для прорытія Коринфскаго перешейка. По смѣтѣ составленной уже давно, работы прорытія должны были обойтись въ 20 милліоновъ франковъ, но надѣются, что, при усовершенствованіяхъ, достигнутыхъ въ машинахъ за послѣдніе два года, сумма вычисленныхъ расходовъ можетъ быть сокращена.

— Продленіе жизни животныхъ. Въ окрестностяхъ Парижа, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Гонеса, богатый землевладѣлецъ основалъ убѣжище для старыхъ животныхъ. Нѣкоторые изъ его пансіонеровъ достигли необыкновеннаго возраста, напримѣръ, у него есть одна корова, достигшая 36 лѣтъ, мулъ, доживщій до 72 лѣтняго возраста, боровъ 25 лѣтъ, коза 18 лѣтъ и проч. Въ птичникѣ замѣчается одинъ гусь, который едва можетъ переваливаться съ мѣста на мѣсто: онъ достигъ почтеннаго возраста 37 лѣтъ. Этотъ благодѣтель-богачъ сохраняетъ документы своихъ животныхъ и охотно представляетъ ихъ всякому зоологу, интересующемуся изслѣдованіями о возможномъ возрастѣ животныхъ.

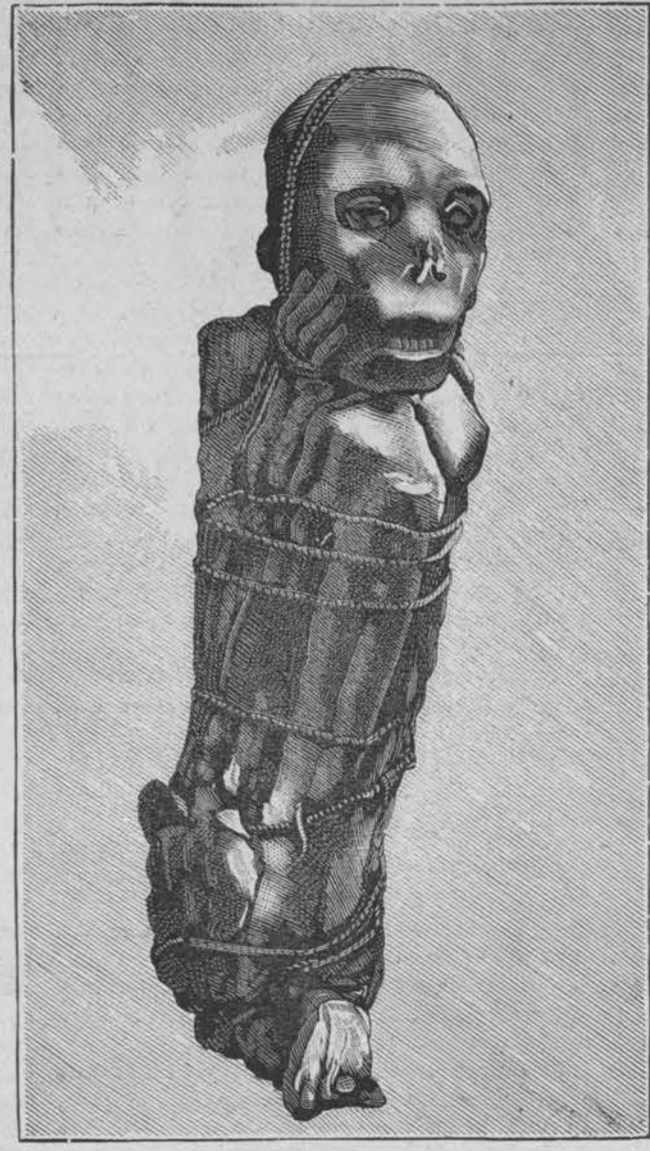
— Очень древняя лодка. Морель Фати, производившій изслѣдованія свайныхъ построекъ въ женевскомъ озерѣ, открылъ древнюю большую лодку, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ поврежденій, вполнѣ сохранившуюся. Лодка эта цѣликомъ сдѣлана изъ большого еловаго дерева, имѣетъ 32 ф. длины и $2^3/_4$ ф. ширины. Передняя часть украшена рѣзьбою. Эта находка предназначена для музея въ Люцернѣ.

— Средство противъ ржавчины въ ружейныхъ стволахъ. Докторъ Ф. Гёцъ сообщаетъ въ «Zentralbl. d. ges Forstwesens» весьма простое средство для сохраненія ружейныхъ стволовъ отъ ржавчины: хорошо вычищенный ружейный стволъ плотно наполняется свѣже-обозженной известкой, обращенной въ порошокъ; послѣ чего дуло ружья герметически закупоривается пробкой или металической пластинкой. Если ружье заряжается съ казенной части, то стволъ закупоривается съ обоихъ концовъ. Пробка или пластинка нѣсколько разъ смазывается сверху составомъ изъ канифоли и воска.

— Важное каждому. (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Ни одна изъ газетъ не остановилась на появившейся недавно въ свѣтъ диссертаціи на степень доктора медицины А. Руссова подъ

заглавіемъ «Сравнительныя наблюденія надъ вліяніемъ кормленія грудью и искуственнаго кормленія на вѣсъ и ростъ дѣтей». Громадная смертность дѣтей на первомъ году жизни имѣетъ большое значеніе въ экономической жизни народа, лишая его преждевременно молодыхъ производительныхъ силъ, унося цѣлое поколѣніе жизней, стоившихъ сравнительно большихъ матеріальныхъ жертвъ; съ другой стороны быстро распространяющееся искуственное вскармливаніе и часто безпричинный отказъ въ материнскомъ молокѣ, тамъ, гдѣ его много и гдѣ оно хорошаго качества, невольно наводитъ на мысль о взаимной связи между этими факторами. Въ наукѣ же появляются работы, силящіяся доказать, что и искуственно можно воспитывать дѣтей, нисколько не уступающихъ вскормленнымъ грудью. Работа г. Руссова направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы показать сравнительно разницу между кормленіемъ грудью и искуственнымъ. Желая показать это наглядно, г. Руссовъ составилъ таблицу вѣса и длины дѣтей отъ 15 дней до 8 лѣтъ включительно. Предисловіемъ къ его работѣ служитъ литература о дѣтской смертности; затѣмъ для полноты онъ приводитъ данныя, касающіяся взвѣшиванія дѣтей въ первые дни жизни, такъ какъ по этому вопросу у него нѣтъ собственныхъ наблюденій, и уже послѣ этого излагаетъ результаты, имъ полученные. Выводы г. Руссова слѣдующіе: дѣти, вскормленныя грудью впродолженіи перваго года, имѣютъ наибольшій вѣсъ и длину. Дѣти, вскормленныя грудью съ прикармливаніемъ, значительно уступаютъ въ вѣсѣ дѣтямъ, вскормленнымъ одною грудью. Разность между вѣсомъ дѣтей, вскормленныхъ грудью и смѣшанною пищей, достигаетъ въ концѣ года 1,450 грамовъ, равняясь $^1/_7$ годового ребенка. Рано введенное прикармливаніе выражается задержкою въ увеличеніи вѣса и длины. Прикармливаніе должно вводиться не раньше достиженія ребенкомъ 7,000 грамовъ вѣса, что соотвѣтствуетъ 6-му мѣсяцу. Рано начатое искуственное вскармливаніе мѣшаетъ ребенку развиваться. Длина дѣтей, воспитанныхъ одною грудью, превосходитъ длину дѣтей на смѣшанной пищѣ на 4 сантим. въ годъ. Ребенокъ растетъ больше въ первомъ полугодіи (16 сантим.), чѣмъ во второмъ (7 сантим.). Разность между дѣтьми при нормальномъ кормленіи грудью и искуственномъ достигаетъ въ концѣ года 3,802 грамовъ, т. е. больше половины вѣса годового ребенка при искуственномъ кормленіи. Развитіе или длина дѣтей, искуственно вскормленныхъ, меньше грудныхъ дѣтей на 10 сантим. въ годъ. Русскій ребенокъ средняго вѣса больше французскаго; воспитанный же одною грудью русскій ребенокъ превосходитъ французскаго на всѣхъ мѣсяцахъ года. Длина дѣтей русскихъ больше дѣтей французскихъ на 5 сант. въ первомъ году. Вѣсъ русскихъ дѣтей по отношенію къ вѣнскимъ больше. Наибольшій вѣсъ русскихъ дѣтей превосходитъ соотвѣтствующія цифры Кетле и Флейшмана. Вообще введеніе искуственнаго кормленія должно сопровождаться методическими взвѣшиваніями. Страны, гдѣ не распространено искуственное кормленіе дѣтей, даютъ наименьшій процентъ смертности на первомъ году жизни. Швейцарское сгущенное молоко можетъ быть только временнымъ сурогатомъ материнскаго молока. Дѣти, воспитанныя на первомъ году грудью, представляютъ и въ слѣдующіе года большій ростъ и вѣсъ.

— **Чудо механическаго искуства.** Въ «Пет. газ.» напечатано: «По Соединеннымъ штатамъ путешествуютъ въ настоящее время замѣчательные часы,—которые смѣло можно назвать «чудомъ механики», такъ-какъ затѣйливость ихъ механизма превосходитъ все, до сихъ поръ въ этомъ родѣ извѣстное. Они устроены однимъ гражданиномъ города Колумбіи (штатъ Огайо) и стоили ему восьми лѣтъ труда. Основная идея, положенная строителемъ въ устройство этихъ часовъ, есть наглядное олицетвореніе всѣхъ выдающихся моментовъ въ исторіи возникновенія и развитія американской независимости. Весь постаментъ часовъ имѣетъ 10 футъ вышины и 5 футъ ширины и опирается на два орлиныхъ когтя, держащіе 13 стрѣлъ, изображающихъ 13 первоначальныхъ штатовъ республики. По обѣимъ сторонамъ постамента находятся изображенія двухъ главнѣйшихъ моментовъ американской исторіи, именно: войны за независимость и междоусобной войны. Тутъ же видно зданіе «Independance Hall» съ колоколомъ на его башнѣ и старикомъ, стоящимъ около колокола и готовящимся въ него ударить. Богиня свободы бьетъ полные часы. По срединѣ золотой арфы находится модель знаменитыхъ часовъ Страсбургской колокольни въ 1 футъ вышины и $^1/_3$ фута шириною. Отдѣльныя фигуры апостоловъ сдѣланы по извѣстной картинѣ Леонардо-да-Винчи. По прошествіи первой четверти часа, на сцену является паровозъ, какъ эмблема быстраго хода развитія американской промышленности; по прошествіи второй четверти, звонитъ колоколъ въ «Independance Hall'ѣ» и въ тоже время появляется фигура Вашингтона, проходящаго по сценѣ величественными шагами. При наступленіи третьей четверти, апостолы соединяются передъ Христомъ и св. Петръ отрекается отъ него при пѣніи пѣтуха. Скелетъ съ зеленымъ шарфомъ на плечахъ, на которомъ значатся слова: «Время скоротечно!» — торопливо проходитъ мимо, а изъ открывшейся дверцы показывается дитя съ гремушкою въ рукѣ. При наступленіи четвертой четверти, бой часовъ сопровождается музыкальнымъ перезваниваніемъ курантовъ. Полдень и полночь сопровождаются картиною эманципаціи невольниковъ: Линкольнъ, съ манифестомъ объ освобожденіи въ рукѣ, спѣшитъ къ невольнику, привязанному къ аукціонному столбу. Въ это время узы невольника спадаютъ съ него, и руки его складываются въ благодарственную молитву».

Австралійская мумія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I) Олеографія «Графиня Потоцкая» изъ Берлина получена и отправлена всѣмъ гг. подписчикамъ, выславшимъ на полученіе ея деньги. Желающіе могутъ получать эту олеографію по прежней цѣнѣ: безъ пересылки 75 коп., съ пересылкой по почтѣ (въ папкѣ, посылкой) 1 р. 25 коп.

II) Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ просятъ объявить: будетъ-ли окончена печатаніемъ въ нынѣшнемъ году, выдаваемая гг. подписчикамъ безплатнымъ приложеніемъ, «Гигіена?» Эта книга переводится и печатается нами по мѣрѣ выхода въ свѣтъ нѣмецкаго изданія, печатающагося выпусками одновременно въ Цюрихѣ и Вѣнѣ. Трудно ожидать, чтобы это изданіе (слишкомъ большое по объему, судя по програмѣ, напечатанной въ началѣ книги) окончилось за границей въ нынѣшнемъ году. Но если бы это случилось, то и Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» почтетъ своей обязанностью окончить его и разослать своимъ подписчикамъ. Но, повторяемъ, если принять въ расчетъ время выхода первыхъ выпусковъ этой книги за границей, надо ожидать, что печатаніе ея тамъ окончится не ранѣе половины будущаго года.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 37-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 15-го сентября въ 1 часъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 16-го сентября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 21 Сентября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12).